

КЛУБ АНОНИМНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ХОЧЕШЬ ЖИТЬ ВЕЧНО?

СБОРНИК
ФАНТАСТИЧЕСКИХ
РАССКАЗОВ 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

О сборнике.....	2
Триоли форели.....	3
Еретик.....	12
Сезон дождей.....	22
Хочешь жить вечно?.....	32
Моя сестричка.....	38
Разрешение грехов.....	42
Сердце капитана.....	47

О СБОРНИКЕ

Фантастика, да еще и бесплатно – что может быть лучше? Особенно когда за дело берутся не самые зеленые новички, а почти что без двух минут метры. Или правильнее будет – "без двух сантиметров"? Надо подумать. Но одно мы знаем точно – почти каждый рассказ в этом сборнике как минимум прошел в финал какого-либо сетевого конкурса. А как максимум – получил рекомендацию к печати в бумаге. Так что отриньте страхи и приступайте к чтению. И не бойтесь сочувствовать героям – они почти живые (хотя в этом сборнике многих из них можно назвать скорее почти мертвыми). Да, сборник получился готическим. Здесь есть и дьявол, и загробная жизнь, и пляски с Вуду. Но и твердая фантастика здесь тоже присутствуют. Киборги загадочного устройства, клоны и преуспевающие блюзовые музыканты. И, конечно, бессмертие. Хотели бы вы жить вечно после такого? Я вот лично все еще хочу.

Сергей Токарев (составитель сборника)

СПИСОК АВТОРОВ

Некоммерческое распространение данного сборника в формате PDF приветствуется. Но по вопросам использования отдельных текстов обращайтесь, пожалуйста, к их авторам:

Сергей Онищук.....	http://sloniarka.livejournal.com/
Виктор Колюжнюк.....	http://vikkol.livejournal.com/
Наталья Шнейдер.....	http://emelushka.livejournal.com/
Наталья Васильева.....	http://basja-n.livejournal.com/
Роман Дибров.....	http://gerb-ert.livejournal.com/
Дмитрий Богущкий.....	http://cizerot.livejournal.com/
Сергей Токарев.....	http://kvisaz.livejournal.com/

В нижней части каждой страницы указан адрес web-страницы автора на СамИздате.

Рисунок на обложке – от художницы Геллады.....	http://gellada.livejournal.com/
--	---

ТРИОЛИ ФОРЕЛИ

ДМИТРИЙ БОГУЦКИЙ

Я скверный музыкант. Мне не сравниться ни с Ди Ди Робино, ни Сайлазом Серинетто. Ни даже со здешним Айвенгом Охлобыстиным. Особенно теперь. И дело даже не в том, что подручные Салазара выбили мне все зубы. Нет, это фигня. Проблемка в том, что у меня нет пальцев. Если на то пошло, у меня и губ нет. И небо теперь не то. Так что лирических песен, я, сами понимаете, нынче не пою.

Но, этот хрен Никита, денди лощенный, ничего такого о себе искренне не подозревает! Жалеть меня, кстати, не надо - я о своих пальцах. Как не следовало в свое время судить обо мне поговору и цвету кожи. А вот не надо! Не надо! Давеча я тут разодрал, кому следовало, наглуую морду, трахнул знакомую кошечку в подворотне, снял проценты по ренте и тяпнул по-маленькой в хорошей компании. Сожрал форелину в своем любимом ресторане - и чувствую себя хорошо. У меня все тип-топ. Так что, пожалейте кого другого, лады?

К тому же у меня есть то, чего у вас точно нет. Она. Морисетт. Моя девочка. Моя плохая девочка.

А это лощенное ничтожество распускает свои необломанные пальцы в моем присутствии. Импровизировать вкусно научись, мать твою! Перебирать пальцами. В жизни пригодится, не только в делах амурных. Свинговать научись, недобитый джазмен...

Я влез в дом через открытое по случаю ночной духоты окно, едва не сбросив с подоконника обитавший на нем пейотный кактус. Это у нас такая семейная шутка: когда меня уносит шляться всю ночь, Морисетт ставит у меня на пути эту тольтекскую хрень. Мол, живи и помни - простых путей не бывает. Ну, щас я пошучу в ответ, хе-хе...

Уж хе-хе, так хе-хе! Оказывается, они тут не только оформление альбома обсуждали! Этот вчерашний гений посредственности уже заполз к моей девочке в постель. От шалуныя! Глаз да глаз за ней. Ну, впрочем, я сам-то...

Говорят, в таких случаях следует действовать прямо и недвусмысленно: разоблачаясь на ходу, приблизиться к совратителю спутницы жизни и плотоядно поинтересоваться, а кого это такого противного ты мне запасла, дорогая?

Я мягко спрыгнул с подоконника на теплую керамическую плитку пола, прокрался к разбросанной постели, занырнул под одеяло со стороны моей ненаглядной. Спит тихо-тихо. Пощекотал ямочку над ключицей, подышал нежно в ушко. Она сладко застонала, а я легонько прикусил ее сосок.

- Флойд! Ну, ты даешь, с утра пораньше!

В ответ я независимо хмыкнул, усаживаясь во весь рост. Этот хрен, Никита, наконец, очнулся - и уставился на меня, натянув простыню до ушей. Боишься? Эт правильно...

- Флойд, это - Никита. Никита, это - Флойд! - Морисетт представила она нас друг другу, потягиваясь. - А! Вы же вчера познакомились...Флойд, зайка, поставь чайник, а? Будь ласков, а то жрать хочца-а...

А то я сомневался...

- Очень приятно, - пробормотал Никита пялясь на меня.

Что? Ждешь, когда же я на тебя кинусь? От животное...

Я презрительно сморщился, слез с постели и зашлепал по плитке на кухню. О! Напротив постели на штативе - рабочая камера Морисетт. Направлена на постель, мигает индикатор мультикадровой съемки. Снимались, значит, голубки... От вредная девка! Крышка рояля откинута, валяется какой-то реквизит, извлеченный из нашей студии. В процессе фотосессии дошли до постели... А как же насчет того, чтобы не спать с клиентами? Глаз да глаз за ней...

Я прошелся по прохладным клавишам рояля, сыграв при этом восемь нот вступления Гершвинского регтайма "Летний день".

Никиту подбросило - он уселся, вытаращив на меня глаза. Я окинул его холодным взглядом и ушел на кухню.

Скорчившись на диванчике в обнимку с пустой бутылкой из-под "заветного винца", кемарит Ронни - от двери чую, с какого страшного похмела. Ронни вообще-то вчера была подругой Никиты. Ну, этого, что сейчас нежится в постели Морисетт. Ну, ни фиги себе!

- Слушай, - произнес Никита. - За такое, кое-где и сейчас на кострах жгут...

- Не. Я же не ведьма, - Морисетт с аппетитом откусила от зашпиленного между длинных ногтей свежееизготовленного пончика. Мною изготовленного, между прочим...

- А точно?

Ронни, совершенно зеленого цвета, еле живая, изменила позу и теперь ритмично покачивается над своим стаканом с целебной водичкой. Икнула:

- Ведьма...

Никита вздохнул:

- Ну и зачем надо было столько пить?

- Отвали.

- Ронни!

- Пшел ты... - Ронни явно тошнило и от Никиты.

Я вкушал свой завтрак, запивая молоком - размышлял и приглядывал за этим вертепом.

На стенах - увеличенные фото наших с Морисетт работ. Вон тот макет для диска, который стал платиновым. А вон тот - золотым. А вон тот никаким не стал и ничего не сорвал, но вокалист умер прямо на сцене во время джаз-концерта в итальянской Палестрине. Они ой как нехило рубили. И это значит, их оценят. Не сегодня, но однажды. И так, что дай бог любому. Это точно...

Морисетт у нас ловец удачи. Ловец пяти минут славы. За что и ценят.

- Вашу мать! Почему? Ну, почему? Дерьмо, дерьмо, дерьмо!

Вот! Это у нас Ронни. Многообещающий гений музыкальной журналистики...

Никита потер ладонями лицо:

- Ронни, ты начинаешь действовать мне на нервы.

А Морисетт поинтересовалась: у

- Еще кофейку?

Ронни тут же опасно перекосило над столом - я отодвинулся, чтобы не забрызгало. Морисетт вскочила и уволокла несчастную подальше от кухни.

Правильно. За гостями нужен уход. А то потом пол не ототрешь...

С толчка донеслись душераздирающие звуки - Ронни пыталась докричаться до кого-то в глубине канализации.

Никита молча наблюдал за мной. Я, не тушуясь, ел. Не обольщайся щенок. Ты - это не то, из-за чего я потеряю аппетит.

Никита неожиданно встал, обошел стол, ухватился за меня, поднял за грудки со стула. Опаньки...

- Слушай, Толстый, - он с неприятным выражением лица уставился мне в ясны очи. - Морисетт слишком хороша, что бы ты пользовался ею в одиночку. Она принесет мне удачу, я знаю. Это все знают. И если у меня с тобой есть какие-то непонятки, давай решим их по-мужски. Сейчас. Мано о mano. - Будешь болтаться у меня под ногами, Толстый, значит, я разобью твою нахальную морду.

- Ну, раз так, козел, - я усмехнулся. - Я тебе тоже собирался не только в тапки ссать.

Ронни отсыхала у нас на террасе. Вид с террасы офигительный. Пурпурная даль и все такое. Стекло в двери на террасу у нас колоритно так прострелено, во время недавней разборки с перебравшим полуденного солнца конкурентом.

- Слышь, Ронни...

- Ой! Твою мать...

- Ты чё дергаешься? Фамильяров не встречала?

- Н-нет, как-то...

- Так... Ну, ладно. Фамильяр - это я. Все, образование закончено, теперь перейдем к основной теме. - Я взобрался в доминирующую позицию на ограде и навис над Ронни.

- Подруга, позволь я открою тебе страшную тайну - никому ее не говори. Тебя кинули. Точнее, бросили. И не обольщайся, Никита не вернется. Но я готов тебе помочь в правом деле мести. Там в студии есть камера, в ней компрометирующие снимки твоего суженого. Когда он станет богат и знаменит, сможешь его шантажировать. Но это потом, на сладкое. Так, подбери, пожалуйста слюни...

- Со мной разговаривает кот...

- Ронни, Ронни, прием, как слышно? Я - не кот! Я - воплощение твоей жажды справедливости. Эй! Иди к нему и скажи, что беременна с месяц. Ну, и так далее, короче, все, чего у вас там полагается...

- Морисетт! Твой кот со мной разговаривает! - Ренни уже просто орала.

- Ронни! Етид... Вали отсюда со своим суженным на фиг! Или! Вам! Хана! Тебе и твоему будущему ребенку! Появитесь еще у нас, всех попишу! - Я выбросил руку к её лицу, чтобы показать, чем.

Ронни шарахнула с террасы так, что ветер только восхищенно присвистнул. Блин, как тяжело с ними, даже начать не успел.

Я возлежал в центре нашего кухонного стола, унюхиваясь до одури листочками валерианы, которые Моррисетт бросала в жуткую бормотуху - основу для "заветного винца", по бабушкиному ведьмовскому рецепту...

- Ну? И что это ты такое затеял, зайка? Что это за интриги с Ронни? Зачем ты ее обидел? Почему Никита такой злой?

- У нас с ним, знаешь, состоялся мужской такой разговор...

- Господи, ты его не изувечил?

- Пусть спасибо скажет, что я его вообще в больницу не уложил...

- А я хотела, чтобы вы подружились...

- Мы не будем делить с ним твою постель. Или тебя, раз на то пошло.

- Раньше, у тебя с моими парнями не было проблем.

- Мм-м, не хочу тебя разочаровывать, детка, но что значит, "не было"?

- А... Так вы не выносили сор из избы?

- У меня класс по заметанию боксеров под ковер.

- Флойд, котя, я жутко ценю твою заботу. Правда, правда! Но в этот раз позволь я дойду до финала. Мне кажется, это очень особый случай.

- О-о, деточка, сколько было таких случаев. Но кто я такой чтобы стоять на пути твоего горя... У меня только одна просьба, - я задуманно всхлипнул. - Не выгоняй старого заслуженного кота на улицу!

- Флойд! Завязывай с валерианой. Ты просто не представляешь, как сейчас выглядишь!

- Поверь, детка, это по-любому выглядит лучше героина.

- В некоторых местах, это считается преступлением, - мрачный Никита сидел за столом, скрестив руки.

- Мы потому и не живем в "некоторых местах", - Морисетт осторожно наполняла заветную бутылку "винцом последнего желания", взамен вылаканного Ронни.

- А если, нам придется? Гастроли, например?

Ух ты. А далековато все у них забрело... Гастроли, значит?

- Флойда ведь могут там арестовать.

Нет, ребяташки. Просто злой деда Салазар пришлет за мной Собаку Без Запаха. Что ж Никита, туше.

- Здесь фамильяры защищены законом, - сказала Морисетт. - Как альтернативно разумные. Придется это учитывать, если хочешь жить с нами.

Ответный укол. Два-два...

- Откуда он вообще у тебя появился?

- Приплыл на футляре от саксофона. По каналу.

- Смейшься, что ли?

- Не-а. Футляр - вон стоит. Раритетная вещица. Ручная работа. Там внутри есть серебряная табличка "Флойд". Так я кота и назвала.

- А сакс?
- Больше ничего. Только мой котей.
- Повезло ему с тобой.
- Ну... может и мне...

Да, детки, да. Я Флойд "Пинк" де Комб. Уроженец Еще Одного Орлеана. Смешанных креольско-нигерских кровей... Звезда Марди-Гра и Латинского квартала... В последний раз меня выпускали на виниле в прошлом году, на диске: "Десять камней в фундаменте. Лучшие темы южного блюза". Там одна моя старая запись, но вряд ли вы такое слушаете...

Я помню, как очнулся после долгого беспмятства, после насилия, после боли... Мне было хорошо и тепло. Мне никогда в жизни не было так спокойно, как тогда когда я родился во второй раз на руках Морисет...

Мамбо Салазар выгнал меня. Он вывел меня из себя - выбил мне зубы, раздавил дверью кисти рук, пробил череп алмазной иглой. И я ушел. Оставил свое черное тело, дороги на венах. Мне незачем было оставаться. И я ушел. Потом похоронил себя прежнего и бежал за океан. Здесь я, по крайней мере, не считаюсь соучастником преступления.

- Слушай, а где Ронни?
- Съела пару бодрящих колес и пошла звонить. Сказала, будет искать работу. Где-то далеко...Подальше от нас. Просила ее не трогать.
- Хорошо, тогда за обедом пойдете вы, мужчины.

Никита тяжело вздохнул, посмотрел на меня:

- Ну, мистер Флойд?
- Да иди ты в жопу.

А на рынок я пошел один.

Когда я вернулся, в комнате, в потоке света падающего из окна, демонстративно - на моем стуле - спиной ко мне, сидел высоченный сухой шоколадный старик. Я видел скудный хвост напудренных волос от облысевшего затылка, свисавший по необработанной коже его длинного плаща.

Я замер на пороге.

Старик повернул голову. И так неоспоримо - а профиль грубый и выразительный, как череп австралопитека - и произнес:

- Ну же, Флойд, сынок, входи.

Мамбо Салазар.

- Привет, нигер, - произнес мамбо. - И не нужно метаться...

Салазар сидел на стуле, оперев руки в перчатках на рукоять упертой в пол трости. Псиная, с длиннющими треугольными ушами, с короткой шерстью цвета серого гранита лежала у его ног. Собака Без Запаха. Она же Собака Без Имени, так как имени у нее нет, только табельный номер. Инструмент борцов с вуду-кримом. Ах, мамбо Салазар, так вот кто пасет пастырей...

- Собаки Анубиса, - со вкусом произнес мамбо. - Еще египетский гранитный род охотников на ублюдков. Натасканы на призрачных беглецов. Он схватит и рассудит твою жизнь на весах челюстей. Черная нога туда, белая голова сюда. Молчи Пинк Флойд. Молчи и не двигайся. Здесь я говорю.

Он махнул рукой:

- Никита...

Я не двигался - собака смотрела прямо на меня. Никита взял меня под живот и поднял на руки.

- Хорошо.

- Когда вы только вошли, вы показались мне малость учтивее, - совершенно спокойно сказала Морисетт. - А ты Никита? Что ты делаешь?

Мамбо Салазар хрипло, с расстановкой засмеялся:

- Ты у нас девушка-удача. Но просто пойми, удача - это удел бойких и энергичных юнцов. А сложившиеся, самостоятельные мужчины ищут силы. Силы, с которой они ухватят удачу за шею и, если понадобится, сломают ее птичьи кости.

- Вы мне угрожаете? - Морисетт подняла брови.

- А то как же.

- Тогда так, - плохая девочка Морисетт выдернула пистолет из кобуры спрятанной под крышкой стола. Психи-конкуренты, хорошо, что вы есть...

- Фас! - рывкнул Салазар.

Хруст металла...

- К ноге,- удовлетворенно произнес Салазар. - Лежать.

Морисетт перевела взгляд на остатки рукояти в руке. Ствол псина откусила.

- Хорошо, - Салазар скалил зубы. - Драться ты готова. Чем еще пожертвуешь?

Он думал мгновение - и бросил:

- Раздевайся.

Никита вскинулся. Не ожидал? А вот... Позови черта на помощь.

- Салазар...

- Молчать.

Я подал голос:

- Из какой могилы ты выполз теперь?

- Из твоей малец. Из твоей. Я шел по твоему запаху. И когда любопытная журналистка Ронни позвонила мне в офис в Вечно Второй Орлеан и стала спрашивать о кофре твоего саксофона, запах просто... - Салазар изящно взмахнул рукой, - просто ударил мне в ноздри. А с мсье Никитой мы договорились только что. Кто-то ведь должен был не любить тебя настолько, чтобы убить черную птицу и открыть мне дорогу сюда...

Вот он и втянул тебя Никита. Ты попался.

На Морисетт осталось только плотное, как ошейник, бирюзовое ожерелье.

- Да, это ты, девушка-удача. Упорная, крепкая, надежная и безжалостная. Да. Тыходишь мне...

Вот сейчас... сейчас это произойдет. Ну!

Неожиданно оказалось, что мамбо уже стоит. Стоит прямо перед Морисетт, трость в его руках отведена для удара в переносицу, а на конце трости сияет та самая алмазная игла...

Никита дрогнул.

Вот!

Я сиганул с его рук. Перепрыгивая оттолкнулся от головы Собаки Без Запаха - она что и впрямь гранитная?! - и полетел Салазару в лицо.

Я тебя достану.

- Замерли! - властно произнес мамбо.

И все замерли.

Попробуйте-ка замереть в прыжке неподвижно, как я!

- Никита...- прошептала Морисетт.

- У меня с мсье Никита маленький контракт, - произнес Салазар. - Я должен ему издание на моей звукозаписывающей студии за оказанную в этом маленьком дельце помощь.

- Никита...

- Морис... - Никита ломал себе пальцы. - Я вернусь. Вот только запишусь - и сразу назад. Это же то, что мы хотели...

- Никита, - собравшись с духом, выговорила Морисетт. - Ты козел. Пошел вон. А сначала отпусти моего кота.

Мамбо Салазар раздельно, рывками захохотал, медленно аплодируя ладонями в кожаных перчатках.

- Молодец. Наша кровь. Далеко пойдешь.

- Слушайте... а вы идите в жопу!

Салазар залился хохотом. Успокоившись, сказал мне:

- Твою историю надо было заканчивать, гарсон. Героин, джанки и депрессия. Рецепт быстрого и грязного финала. Тогда ты дошел до края. Дальше - только падение. Гниение живо. И я убрал тебя. Согласись, красиво. И вовремя. Тебя до сих пор слушают. Слушают твой блюз Дельты, слушают, ощущая, эдакий привкус недосказанности. Чем ты мог стать, если бы остался жив? Черным Моцартом? А? Ну-ну, мальчик, мы-то с тобой знаем, кто ты таков и что можешь. А чего нет. Я, действительно, надеялся, что ты попытаешься вернуться, и мы начнем заново. Под каким-нибудь новым именем.

Он поставил передо мной мой старый сакс:

- Вот, держи. Это тебе.

-Шел бы ты...

- Я так и понял, когда ты не появился. Ты у нас скор в решениях. Сколько тебе осталось, кстати? Тебе сколько лет? Восемь? Девять?

- Шш-ш!

- Дело твое. Оставайся тем, кем стал. Я тебе почти завидую. Тебе с нею повезло.

Он обратился к Морисетт:

- Одевайтесь, ма шерИ. Жертва отменяется. Никто от вас этого уже не требует. А мы с мсье Никита, пожалуй, пойдём... Ники отпусти его.

Он поднялся со стула и ушел не прощаясь. Гранитная собака вскочила и убежала вслед.

Никита осторожно поставил меня на пол и быстро отступил. Я оглянулся, сверкнув на него глазами. Он отступил еще на шаг. Потом сглотнул и проговорил:

- Морисс...

- Пошел вон, подонок!!!

У меня уши заложило. Во дает.

Никита побрел к двери.

- Эй, - окликнул я.

- Что...

- Помни, что случилось со мной. Салазар будет делать из тебя то, что ему угодно. Ты продался. Помни и проживешь подольше.

Он только криво улыбнулся.

- Боже мой, Флойд, я же не знала, кто ты! Почему ты не вернулся в себя?

- Это куда в себя? Прошлое давно похоронено и сгнило. Я в себе вообще-то. С самого обеда никуда не выходил. Я твой кот, я тут живу. Ничего не изменилось.

- Ни фиги себе, не изменилось! А я что теперь? Королева мамбо? Богиня сантерии?!

- Да не, не очень-то... не обольщайся.

- Боже, ты давно уже мог объяснить всем, кто ты такой!

- Да? А на следующий день за мной явилась бы Собака Без Запаха.

И какого черта?! Я в первую очередь не хотел оставлять тебя...

Мориссетт дрожащей рукой налила "вина последнего желания" из заветной квадратной бутылки. Бренди из этой бутылки я, помнится, вылакал в прошлом году. Ломкой веткой она застыла над полным фужером.

Она плачет:

- Боже, что теперь... что теперь...

- Морисс...

- Оставь меня, Флойд. Не надо...

Я побрел по комнате, споткнулся об оставленный Салазаром инструмент. Подобрал. Взобрался на стул.

Заглянул в муншдук. Трость странной формы, вот здесь удобно упереть нечеловеческие зубы...

Я пробую его на вкус. Как забыто...

Привет, сакс. Привет, Флойд. Давно не виделись.

Я стараюсь, напоминаю саксу о себе, пробую играть с ним, как с бумажным бантиком на ниточке. Он уклоняется, но не долго. Мы поняли друг друга. Цветы распустившихся голосов глициниями проросли в воздухе, заполнили пространство, вьюнами поползли по стенам, наполняя комнату забытым тропическим запахом. В волнах зеленой южной мелодии контрапунктом лениво плеснула хвостом неожиданная, почти не уместная, кошачья радость - серебряная форель. Как крючки шестнадцатых нот восходящего Ре-минора, которые я так и не научился читать...

Форель плещется в зеленых волнах агавовых листьев, триоли импровизации пробегают бликами по влажной чешуе.

Морисетт одиноко рыдает над самодельным игривым рубиновым вином - прекрасным для глаз, с изысканным ароматом, напрочь очищающим душу. И таким отвратительным на вкус...

Что еще?

Ну что я еще могу ей дать?

Я все так же скверно играю.

ЕРЕТИК

СЕРГЕЙ ОНИЩУК

Ржавый фонарный столб, не выдержав бушующей грозы, сдался. Он застонал на невзгоды жизни, прогнулся под потоками воды и порывами ветра и со скрипом улегся посреди улицы. Завтра его уберут....

Непогода уверенно пробивалась сквозь тройной стеклопакет. Зилот Квиксильвер уселся в удобное кресло-качалку и принялся потягивать коктейль, но творящееся за окном мешало наслаждаться жизнью.

В очередной раз посмотрев в окно, Зилот встал и задвинул тяжелые бархатные портьеры, разом отсекая все звуки с улицы. Воцарился полумрак, лишь дергались причудливые тени на стенах - уголья в камине все еще давали жар и свет.

Кресло жалобно скрипнуло, обитатель снова уселся, и, придвинувшись к столу, принялся лениво перебирать разложенное.

Бардак на столе сделал бы честь любой безумной творческой личности. Произвести классификацию разложенных вещей смог бы далеко не каждый из обитателей Трештауна. Зилот был далеко не "каждым". Он ловко перебирал связки больших интегральных схем, поглаживал разнообразные элементы питания, и, брезгливо откинув в сторону огрызок горелого конденсатора, принялся шуршать бумажной упаковкой. В замотанном скотчем бумажном пакете лежали приобретения: новые камешки в коллекцию. У владельца ювелирной лавки была слабость - он любил калейдоскопные и музыкальные кристаллы.

Закипел, забулькал проигрыватель. Не самая навороченная модель, но что в этом мире лучшее? Красный кристалл лег в паз, Зилот надавил на кнопку.

Прошипел пар, и, роняя разноцветные блики по комнате, заиграла музыка...

"Сила любви сильнее, чем смерть и страх..." - звенело в динамике.

"Совсем низов нет, а хорошее железо найти проблематично. Сплошь контрафакт да подвальные поделки", - взгрустнулось ювелиру.

"Впрочем, весь мир порой напоминает подвальную поделку. Хотя, тьфу-тьфу, есть законы, есть власть, и жить гораздо проще и лучше..."

"А верный лук надежней любой молитвы..."

"Странная песня", - думал коллекционер, мерно покачиваясь на кресле и наблюдая за игрой света.

Занятные слова - любовь, страх, молитва. И если со смертью все более-менее ясно, то...

А дождь, наконец, кончился. Черные капли кислотного дождя все реже и реже гремели по жестяному козырьку крыши: потом и вовсе затихли.

Издав шипение, аппарат умолк.

Вместе с умолкнувшей музыкой в угол прошмыгнула тень. Раздался легкий шорох.

"Крысы шалют", - подумал ювелир.

Припрятал кристаллы, и, включив внешнюю сигнализацию, вышел на улицу.

"Роботов не кормить!" - кричала надпись над сервисом с механизированными петами. Но из окна на ювелира, сверкая белками глаз, пялилось незнакомое лицо. А возле крыльца стоял альфа правопорядка. Цепкий липкий взгляд скользнул оценивающе по замедлившему шаг мастеру.

- Проходите, гражданин, не задерживайтесь, - прогудел низкий бас. На асфальт под ноги Зилота шлепнулась выплюнутая жвачка. А сам он увидел оборванную ленту желтого предупреждения - дом взят под следствие.

"Пособник террористов? Плохо дело. Кто б мог подумать, что скромный ремонтник - пособник врагов..." - удивился ювелир.

- Сынок, купи газету, а? - дернулся к нему бродяга-разносчик.

Взгляд Зилота упал на заголовки: "Бракованные чипы памяти - миф или реальность?" "Верхние наложили эмбарго на энергоносители", " Игра началась. Отстрел нелегалов - легален!".

- Что, и вправду Игра началась? - спросил он уличного продавца.

- Всего два кредита, гражданин. Два кредита, - заулыбался тот.

Монетка перекочевала в протянутую ладонь.

- Да, началась. И говорят, что около десятка верхних нелегалов шастают по городу. И если желаете приобрести послушного раба или повысить статус, задумайтесь, гражданин, - хихикнул продавец и закашлялся.

- Благодарю,- буркнул Зилот, отходя от захлебывающегося кашлем старика.

Мимо пронеслась очередная пятерка альф-правопорядчиков.

Завистливо посмотрев вслед быстросущимся стражам, ювелир в очередной раз подумал, а не обзавестись ли ему колесными средствами передвижения...

Впрочем, вскоре он своим ходом добрался до магазинчика Роди: "Железо все мастей" кричала неонов вывеска.

Пискнул входной колокольчик, прошуршав, убрался с пути низкорослый робот-уборщик.

Навстречу уже спешил старый приятель.

Обменявшись приветствиями, Зилот подошел к прилавку и принялся рассматривать товар.

- Неплохо,- сказал он, листая каталог и оценивая выложенное на витрине.

- На все денег не хватит. Хоть ты и не из бедствующих, - заулыбался Роди.

- А мне все и не надо. Так, по мелочам...

- Кстати, не желаешь взять кредит? Условия очень выгодны, правительство снова пошло на встречу... - намекнул Роди.

- Нет, спасибо, я самодостаточен. С прошлым долгом рассчитался, лишившись пристройки и гаража, и решил, что не стоит жить очень прекрасно. Достаточно жить просто хорошо,- грустно улыбнулся Зилот.

- Ну, как знаешь. Но социальный статус - штука значимая. Сам понимаешь. А тебе я бы выбил на более выгодных условиях, связи в банке есть, ты меня знаешь. Да и ювелиру положено сверкать ярче других.

- Знаю. Спасибо, старина. Но нет. Кстати, я тут, проходя, видел, Лина-ремонтника, вроде выселяют. С чего бы?

- А, ну он не оплатил проценты за три месяца. А банк не любит ждать...

- Поэтому к нему и пришли альфы правопорядка?

Роди сменил голос на тихий шепот и многозначительно изрек: - Видишь ли, о Лине ходили слухи... совсем нехорошие. Понимаешь, он вроде как пособником террористам оказался. Вот и решили это дело проверить.

- И как?

- Органы не ошибаются! И впрямь нашли кой-чего. Книжки запрещенные. Представляешь, старые. И музыку тоже некорректную.

- А с музыкой что не так? - удивился Зилот, - не, я понимаю насчет опасных книг...

Роди деланно удивился в ответ, почесал кожаную нахлобучку на черепе и объяснил:

- Новое постановление комитета по борьбе за чистоту нравственности.

Ювелир кивнул, решив при случае ознакомиться с новыми законами. Мало ли чего - лишнее обвинение в некомпетентности и возможный минус в социальном статусе его настораживали.

- Еще такое дело... ты мне внешние блоки памяти продал. Так вот. Что-то в них не так. Теряю информацию. Утром проснулся - помню, что было нечто, и дескрипторы есть, оборванные правда, а в банках памяти полный ноль. Битые они, горелые, хоть и скоростные. Старые верни, по гарантии, а? - попросил Зилот.

Роди нагнулся под прилавок, достал несколько коробок и принялся перебирать запечатанные свертки. Наконец, радостно буркнув под нос, он нашел искомое. Зеленая платка с модулем памяти легла на прилавок.

- Все по-честному. Товар возвращаем, деньги тоже. Хотя, склероз отличная болезнь. Не понимаю, чего тут жаловаться. Вечером что-нибудь забыл - зато утром маленькая радость... Но желание клиента - закон. А насчет денег, смотри, что у меня есть.

- Новинка, - из очередного свертка на свет появился хромированный шар с кучей трубок.

- Хм... выглядит как... - осторожно пробормотал Зилот

- Да, самое оно! Отличное цельномеханическое сердце с гарантией на пятьдесят лет. Титановые клапана, тройные цепи страховки, эргономика на высоте! - воскликнул торговец.

- Хм... а не будет как с памятью? - засомневался Зилот.

- Не бойсь, проверенная тема. Давай прямо сейчас и замену, - с этими словами он ловко натянул резиновые перчатки и раскрыл ящик с инструментами.

- Пододвинься поближе, - буркнул торговец, и включил еще одну лампу.

Ювелир послушно уперся в прилавок. Пронзительно засвистела электроотвертка.

Вскрыв защитный кожух, и раскрутив бронепластины, торговец, а по совместительству и квалифицированный инсталл-мастер, аккуратно поддев щипцами органический мотор, принялся выдирать его из креплений. По перчаткам пробежали розовые ручейки. Тяжелые капли упали в подставленную миску.

- Все кровью залил, - укоризненно произнес Зилот.

- Приберусь, не впервой. Волью тебе патентованной плазмы, "А плюс" судя по маркировке, отлично подойдет, - пробурчал Роди, устанавливая новенькое сердце.

Наконец, щитки и кожух оказались на своих местах. Тряпка скрыла следы кратковременной операции.

- Ну вот. Из органики у тебя, похоже, ничего и не осталось. Теперь ты цельнометаллический.

- Ага, жестяной ювелир, - хихикнул Зилот, и запустив систему диагностики: с удивлением увидел, что новенькое устройство моментально определилось и тут же вошло в нужный цикл - разгоняя жидкость по организму.

Потом он отстегнул заслонку шлема и заменил модули внешней памяти.

- А с памятью разберись. Очень уж контрафактом пахнет, - укоризненно пробормотав, кивнул он на сиротливо лежащую карточку.

- По гарантии поменяю. У производителя. Потом, если что - ты первый на очереди. А от старья избавляйся. В светлое будущее надо шагать, непрерывно обновляясь, - сказал на прощание Роди.

- Бывай, дружище, - дверь закрылась, улица приняла ювелира.

Неторопливо шествуя по улице, мимо барачков ремесленников, через площадь правосудия, он услышал странный шум. С улочки нанотехов прямо на него вылетело чудное создание.

Оно врезалось в Зилота на полном ходу, и упало на брусчатку.

На ювелира уставились огромные глаза.

Тот похолодел.

"Нелегал" - всплыло в мозгу.

Шум усиливался. Существо закашляло, попыталось подняться. Со второй попытки ему это даже удалось. Стрекозиные крылья были изрядно помяты, однако нелегал из "верхних" попытался взлететь. Взмахнул крыльями...

Звяк! Звяк!

Крылья упали на мостовую, срезанные меткими пулями.

- Помоги, человек, помоги... - зашептало создание, обращаясь к Зилоту. Тот растерянно смотрел на существо. Сделал шаг вперед...

И в груди существа возникла зияющая дыра от следующего выстрела подбежавшего альфы.

- Спасибо за помощь, гражданин. Сообщите свои данные. Вы заслужили награду за участие в поимке нелегала, - чеканя каждое слово, произнес страж правопорядка.

Зилот попятился, глядя на подергивающееся в агонии тельце создания.

- Гражданин, вам плохо? - понимающе усмехнулся альфа.

- Нет, нет, все нормально, - забормотал Зилот. Потом машинально протянул руку с чипом идентификации, позволяя перевести плюсы на счет социального статуса.

А в ушах все еще звучал жалобный шепот: "помоги, человек...".

Вскоре подъехала и крытая повозка для уборки. Изломанные крылья качнулись в последний раз. Полог задернули...

И ошарашенный Зилот двинулся в лавку....

Там он долго и бестолково перебирал счета, перекладывал товары с места на место, проверял отчетности и пытался прогнозировать графики прибыли. Работа валилась из рук. Перед глазами стояло крылатое создание и умоляло его о помощи...

Наконец, настал вечер, и ювелир двинулся домой.

Поднявшись по лестнице и отключив сигнализацию, он услышал странные звуки.

На столе булькал аппарат. А ведь Зилот точно знал, что, уходя, выключал музыкальную звуковарку. Шторы тоже были распахнуты - мягкий свет заходящего светила заливал комнату.

"И впрямь вовремя блоки внешней памяти заменил", - подумал Зилот, выключая аппарат и спотыкаясь. По полу была рассыпана горстка поющих кристаллов.

Ювелиру взгрустнулось.

"Похоже, дело не только в горелой памяти. Вероятно, блоки троичной логики шалят. Может и их сменить на более надежную - двоичную..."

Но терять уникальность и распрощаться с собой как с творческой личностью ювелир не хотел.

Прозвучал шорох. Из шкафа, там, где лежали вещи древних, еще пластико-бетонных времен.

Крыса?

Грабитель?

Еще один сбой логики с воздействием на слуховой рецептор?

Вооружившись вибронапильником, Зилот осторожно подкрался к шкафу.

Осторожно потянул ручку.

Шкаф не желал открываться - старые петли противно ворчали.

Наконец, дверца распахнулась, уронив на голову ювелиру вязаную лыжную шапочку и ударив по ноге драным зонтиком.

Молча висели комбинезоны и плащи. Молча таращился на Зилота древний радиоприемник.

Ювелир выключил напильник, поднял зонтик, собираясь пристроить его на место.

Но за радиоприемником, на верхней полке, снова послышалось шуршание.

"Точно, крыса" - решил Зилот, и осторожно потыкал зонтиком за приемником.

Что-то пискнуло.

Приемник упал.

На коллекционера испуганно таращились два огромных глаза.

Не красные крысиные глазенки: в этих светился разум и удивление.

А еще в них плескался страх...

- Во дела, - буркнул удивленный и раздосадованный хозяин.

Создание, забившееся вглубь шкафа, чихнуло. И часто-часто заморгало глазищами. Потом протянуло удивленному ювелиру калейдоскопный кристалл.

- По крайней мере, вопрос с проблемной памятью и сбоями в логике решен, - сказал сам себе Зилот. - Ну, вылезай, что ли, не век же там торчать, - и положил зонтик на другую полку.

Зашуршало. Существо, распахнув крылышки, спорхнуло на пол.

- Ты из "верхних". Вот беда-то, - искренне огорчился Зилот.

- Почему? - пискнуло создание.

- Читай, - сказал он, подавая свежую газету.

- Ой, - сказала создание, увидев заголовки...

Следующий день прошел как обычно. В клетку странную крылатую гостью Зилот решил не сажать. Во-первых, клетки у него не было. Во-вторых, не мог этого сделать, не мог: слишком свежим было воспоминание о глазах, наполненных страхом, и сломанных крыльях в повозке мортусов....

Создание проснулось рано утром, и, стоя у окна, расправив тонкие крылья, принялось впитывать солнечный свет.

Потом начало греметь на кухне, опрокинув набор масленок и перепачкавшись солидолом.

Сварганив что-то вроде коктейля из смазок, принесла эту бурду Зилоту.

- Элу, - сказала создание, протягивая банку.

- Чего?

- Меня зовут Элу. Я познающая ветер из народа иль-тин.

- А это что? - спросил Зилот, грустно про себя подумав о том, что незванный гость - девушка.

- Полировка. Семейный рецепт, - пояснила она.

- Ну-ну. Парящие разбираются в наших технологиях... - не поверил ювелир и добавил, - вот что, я в город. Ты сиди тихо. Перед окнами не маячь. Припасы - дам указание холодильнику, он тебя пустит. Жди.

И, прогремев по лестнице, отправился в город.

Возвращаясь домой после вечерней прогулки, Зилот заметил разноцветные отблески в окне. Раскрытом окне...

А заметив, опешил, а потом и осознал.

Кинулся по лестнице.

Судорожно отомкнув все замки, вбежал в комнату, и, подскочив к окну, задернул тяжелые шторы.

- Не смей! Нельзя, заметят. Ты на нелегальном положении. И за тебя назначена награда. Набегут желающие поднять социальный статус за чудо-зверушку, вломятся, и все, - объяснил он верхней.

- А чего ж ты меня сразу не сдал? - Поинтересовалась она.

Зилот промолчал. Да и как ей объяснить и пересказать случившееся совсем недавно.

Огромные, такие же, как у нее, глаза. Точно так же наполненные страхом....

И жалобный шепот "помоги, человек"

- Ты пойми, мне без музыки никак нельзя. И без солнечного света тоже. Погибну я. Силы еще не восстановились, - жалобно сказала Элу.

Зилот уселся в кресло, обхватив голову руками.

- Свалилась на мою голову. Вас, верхних, здесь не привечают. Особенно после эмбарго на энергоносители. Фактически, холодная война превратилась в военный конфликт без боевых действий. Ты вообще-то враг.

- Я скоро уйду. Еще неделю повпитываю свет и музыку, и воспарю назад...

- А как ты оказалась здесь? - поинтересовался ювелир.

- Желание узнать что-то новое. Запретное. Старшие настоятельно не рекомендуют спускаться в ваши города. И теперь я их прекрасно понимаю... - грустно пояснила она. Тяжело у вас. Атмосфера давит вниз. А еще - пустые вы все. Ну, почти все...

- В каком плане пустые?

Элу не ответила. Подошла к паровому аппарату и вставила кристалл.

Вновь зазвучали странные слова....

"Но я успею, у меня есть крылья"¹... гремел динамик.

- Странные слова, задумчиво сказал Зилот, - поясни мне смысл. Что такое любовь?

- Да как же вы живете без этого? - ужаснулось крылатое чудо.

- Живем... - сказал Зилот и вытащил кристалл, прерывая музыку.

Прошло еще долгих три дня. Долгих, потому что работа в лавке и привычные прогулки по магазинам в поисках новинок ему прискучили. Завершив рабочий день, он спешил домой - к Элу. Они вместе слушали музыку, наблюдали за живой игрой калейдоскопных огней на стене и размышляли каждый о своем.

Иногда задавали друг другу вопросы...

- Зачем вы наложили эмбарго на энергоносители?

- Не понимаю о чем ты. Мы не используем нефть и уголь. Все нужное нам берем от Солнца....

- Почему воюете с нами?

- Не воюем ни с кем...

- Почему ты не танцуешь?

- Здесь не могу. Давит. Давит... - и она вдруг всхлипнула. Больше этого вопроса Зилот гостю не задавал...

- Что такое любовь?

- В тебе слишком много жести как снаружи, так и изнутри, - печально улыбалась она.

А еще Зилот постоянно думал о том, что времени очень мало. Вот-вот крылья Элу наполняются силой, и она воспарит домой. В страну воздушных потоков и вечного света.

А он, жестяная коробка из навороченных проводников, навсегда останется здесь...

При этих мыслях новенькое титановое сердце начинало сбиваться с ритма,

Датчики фиксировали нарушения, а насос гонял в повышенном режиме фреон по охлаждающим трубкам...

На следующий день прямо перед домом его остановил Роди.

- Старина, появились новинки. А тебя долго не было. Случилось что? Или тебя переманили конкуренты? - поинтересовался он.

- Все в порядке, дружище. Более чем, - ответил несколько раздосадованный Зилот. Ему хотелось скорей попасть домой.

- Новые опытные образчики внешней памяти, звукосенсоры от "ультрановы", и азотно-гелиевый охладитель процессора, ну и еще по мелочам. Звучит? - спросил торговец.

- Отменно. Я завтра зайду. Или даже на следующей неделе, - сказал Зилот, и побежал по лестнице.

Роди вздохнул. И, нажав крохотную кнопку на пульте, поехал восвояси.

- Готово, - буркнул он чернокорпусному альфе, стоявшему за углом.

¹ Текст из песен Тэм и Йовин – прим. автора

- Отлично, гражданин. Благодарю за понимание, - отчеканил тот. И вперив взгляд в сканер, застыл монументом.

- А вот и я! - радостно сказал он Элу.

- Привет. У меня ...отличная новость, - чуть смутившись, ответила она.

- Ты, наконец, станцуешь воздушный танец верхних иль-тин? - спросил Зилот.

Крылатое создание вздохнуло.

- Крылья полны энергии. Я могу лететь домой. Не хотела уходить не попрощавшись.

"Перегрев процессора на семь процентов. Сбой ритмики внутренних цепей" - выдала система самодиагностики ювелира.

- Как так. Уже? Но ведь ты так и не объяснила мне смысла некоторых вещей, - тихо сказал он.

Огромные серые глаза крылатого чуда светились чем-то очень теплым. Зилот не понимал, что это, но вдруг почувствовал это тепло.

А еще почувствовал, где-то там, за гранью математических законов и логики, что Элу сожалеет об уходе.

И последнее, что он почувствовал в этот краткий миг полу-прозрения - Так надо.

Бум! Бум! Бум! - раздались удары в дверь. Затрещала сигнализация. Послышался механический голос:

- Именем закона, откройте, гражданин.

Если бы киборг мог побелеть...

За него это сделала Элу. Крылья поникли, она дернулась к окну.

- Оцепили. Что теперь будет? - жалобно спросила она.

И в ее глазах Зилот вновь увидел знакомый страх. Тот самый, что видел в глазах ее погибшего соплеменника.

- Ничего не будет, - буркнул он, подходя к двери. - В чем дело? - поинтересовался он.

- Есть достоверная информация, что ювелир, Зилот Квиксильвер, скрывает у себя нелегала. Перевожу данные на ваш терминал.

И ювелир увидел в быстром режиме прокрутки события последних нескольких дней.

Увидел, и догадался.

Новое механическое сердце с крохотной присадкой. С чипом контроля над гражданами. Исключительно с благими намерениями: система раннего оповещения.

За ним наблюдали. Возможно, даже не с самого начала. А после того, как он стал выпадать из жизни социума. Перестал интересоваться бестолковыми новинками...

- Не узнав, что такое любовь, я понял, что такое предательство, - усмехнулся Зилот, обращаясь к перепуганной Элу.

- Но ты не бойся. Теперь у меня полностью железное нутро. И сердце из отличной титановой жести. А значит, в нем больше нет места для жалости. Еще одного чувства, которое я успел осознать...

- Гражданин, мы ломаем дверь. Отойдите, - монотонно пробубнил страж.

- Не так скоро, - улыбнулся Зилот.

Он распахнул защитный кожух, отодвинул бронещиток.

Подошел к Элу.

Мне не будет больно, но лучше отвернись.

Она же во все глаза, смотрела, как Зилот вырывает новенькое эргономичное титановое сердце с гарантией аж на пятьдесят лет...

- У нас мало времени. Малые насосы остановятся через пару часов. Но времени должно хватить, - пояснил Зилот и добавил, - Лезь!

- Куда? - ошарашено спросила Элу.

Он схватил ее, и усадил внутрь корпуса.

- Мы еще повоюем! - крикнул он, запуская деактивированное сердце в наконец взломавшего дверь альфу.

Страж уклонился, однако ювелир был не прост.

Просвистело, вспыхнуло.

Тело грохнулось на пол.

Ювелир держал в руке плазморезак для огранки больших камней.

- У богатых свои причуды, - холодно сказал искрящемуся альфе Зилот, переступая через труп.

Внизу уже дожидалась повозка мортусов. Вышвырнув щуплого водителя из кабины, Зилот уселся за руль.

Запыхтел движок, а на терминале выбило последнюю новость: "Атакован офицер правопорядка. Срочное подкрепление в район ремесленников".

- У нас еще есть время, - успокоил он Элу, приоткрыв слегка бронешиток.

Урчала машина, пожирая километры. А сзади их нагоняли черные тучи.

Приближалась очередная гроза.

Дорога серпантинном тянулась вверх, на пик.

"Оттуда ближе лететь к верхним" - размышлял Зилот. О себе он не думал.

Наконец, тучи настигли город. Навалились свинцовым одеялом, подавляя тьмой все вокруг. Сзади, где-то далеко, сверкали прожектора альфы. Но им еще далеко...

Дорога оборвалась задолго до вершины. Бросив ненужный грузовик, еретик пошел наверх пешком.

- Дождь пойдет. Черный, кислотный. Тебе надо быстрее, - сказал он, выпуская Элу.

- Нам не вредит дождь. Он вреден лишь вам, - жалобно сказала Элу, глядя, как первая черная капля с шипением катится по шлему Зилота.

Звяк! - и под ноги им шлепнулась смятая пуля.

- Тебе пора, - ласково сказал ювелир, заслоня иль-тин... и добавил: - Чур, не оглядывайся...

Верхняя расправила крылья.

Солнечный блеск на миг высек зайчики из металлического корпуса.

- Спасибо... - прошептала она.

И воспарила вверх, превращаясь в светлую точку.

Вскоре она исчезла.

Зилот знал: альфы поднимутся нескоро. Боятся дождя, берегут шкуру. А Элу будет жить. Поднимется вверх, туда, где светит настоящее солнце, которого он не увидит.

Пусть.

Он ни о чем не жалел.

Калейдоскоп наконец сложился в четкую картинку. Ложные идеалы и желания превратились в пар... А дорога в светлое будущее под железным колпаком цензур и наблюдения стала болотом с гибельной трясиной в конце. И все: и Роди, и альфы, и сам Зилот, браво маршировали туда в угоду власти имущих: якобы избранных волею большинства.

"Я умею летать!" - вспомнилось Зилоту.

"Так что же такое любовь?" - возникла очередная непрошенная мысль.

Он сделал шаг.

И уже в падении, показалось, что, прорвав кромку пелены тумана и черных облаков, попадет он в удивительный и прекрасный мир верхних.

Где наконец объяснят ему все непонятные и загадочные слова.

А Элу будет кружить над ним в прекрасном танце и петь свои чудные песенки...

СЕЗОН ДОЖДЕЙ

ВИКТОР КОЛЮЖНЯК

В доме ощутимо пахло трупом. Бартлби принюхался, но никаких сомнений быть не могло. В своей практике эксперта-криминалиста он уже успел основательно изучить этот запах, но никогда ещё не встречал его вне работы.

Проверив карманы, он убедился, что на роль оружия может претендовать лишь брелок на ключах. Достаточно увесистая медаль, которую Бартлби выиграл в детстве на ярмарке. Глубоко вздохнув и тут же поперхнувшись, он сдержал кашель, стараясь не выдать своё присутствие, попутно вспоминая, не слишком ли громко открылась входная дверь.

Тем временем из кухни донесся шум. Что-то упало, зазвенев на плиточном полу, в ответ послышался приглушенный неразборчивый голос. "Воры!" - подумал Бартлби, но каким образом грабители связаны с трупом, понять так и не смог.

Первой пришедшей в голову мыслью было - вызвать полицию. Но ведь и сам он из полиции! Конечно криминалисты это не лихие парни, которые каждый день борются с преступностью, но их ведь регулярно возили на стрельбище.

Кроме того, у Бартлби было разрешение на хранение оружие, и даже собственно сам пистолет. На кухне. В морозилке. Он подсмотрел это в каком-то фильме, и, почему-то, показалось, что уж там то действительно никто лазить не будет.

Схватив со стола в прихожей тяжелую вазу, которую как-то подарила ему мать, он, осторожно ступая, двинулся на кухню. До этого дня, подарок выполнял исключительно важное предназначение пылесборника, но, как оказалось, имел ещё ряд незапланированных производителем функций.

"Удар тупым предметом по голове" - вспомнилось вдруг Бартлби, отчего он даже на миг остановился и ещё раз посмотрел на вазу. Завязавшийся было внутренний спор относительно того тупой ли предмет ваза или всё-таки острый, потому как стеклянная - он усилием воли отбросил. Вытер об штаны вспотевшую ладонь и тихонько открыл дверь на кухню, которая, минуя все законы жанра, даже не скрипнула.

Дядя Нэт сидел за столом и поедал вытащенный из морозильника кусок говядины. На полу валялся нож, видимо сначала им пытались резать, но замороженное мясо никак не поддавалось.

В данный момент дядя пытался отгрызть чуть подтаявший кусок, напоминая ребенка с мороженым. Бартлби с неудовольствием отметил, что пол, а также краешек стола заляпаны кровью. Само поведение родственника его не удивило. Единственная мысль, которая билась в его голове, была совсем другого рода.

"Три года. Он уже три года как умер..."

В какой-то момент дядя поднял глаза на всё ещё сжимающего в руке вазу Бартлби и, улыбаясь кровавой улыбкой, произнес:

- Племяш! Наконец-то пришел. Извини, я ужинать без тебя сел, ты уж не злился, я ведь почти год червями да личинками всякими питаюсь.

Бартлби сглотнул и опустил вазу, успев отметить незамеченную ранее деталь. На столе лежал пистолет.

- Дядя Нэт. Так неожиданно. - Только и смог выдавить он из себя.

Стоит признать, что для трехлетнего трупа дядя выглядел достаточно неплохо. Волос конечно уже не было, да и бледность кожи слишком явная, не говоря уже о рваных лохмотьях, в которые был одет мертвец. Грязь, прилипшую к телу, Бартлби списал на подземную среду обитания.

- Что, хреново выгляжу? - По-своему истолковал его взгляд дядя.

- Да нет, что ты. Совсем неплохо сохранился за три года. - Поспешил заверить его Бартлби.

- Это потому что сезон дождей предпочитаю пересидеть в гораздо более теплом и уютном месте, в отличие от всяких там снобов, которым белый свет не мил.

- Сезон дождей?

- Ну да, завтра начинается, ты что, не в курсе? Хотя куда тебе. У нас, мертвецов, перед сезоном дождей все кости болят, хотя вроде бы мертвые, куда бы им болеть, но всё равно. И не особо то внимание обращаешь, но что-то зудит где-то внутри, свербит, отвлекает, в общем.

- От чего? - Недоуменно спросил Бартлби.

- От размышлений. Делать то больше нечего, только размышлять. Иной раз, как новенький к нам попадет, так конечно сразу интерес просыпается. Узнать что там, как там, да откуда. Но новости ж рассказать это всего ничего времени надо. Ну, историю жизни послушать, тоже день-два убить можно. А в остальное время что делать?

- Размышлять... - не нашел лучшего ответа племянник.

- Вот и я о том же. Ты, племяш, не волнуйся. Сезон дождей закончится, и я назад двину. Я ж понимаю, у тебя своя жизнь - живая, у меня - мертвая. Но я думаю: недельки две потерпишь.

- Две недели?! - От неожиданности Бартлби вскрикнул.

- Ну да, две-три, не больше. Сезон дождей редко дольше идет. Я постараюсь хлопот не доставлять.

Бартлби на секунду представил, как он пытается выгнать мертвеца из дома, и ему стало нехорошо. Да и неправильно это, родственников за дверь выставлять, пускай и мертвых. С тяжелым, но ещё не успевшим оформиться предчувствием, он поинтересовался:

- А в дом ты как попал?

- Через трубу, - хихикнул дядя. - Как Санта Клаус...

Ночью, оставив дядю у телевизора, "мертвым спать ни к чему, мой мальчик", Бартлби позвонил брату. Моррис снял трубку сразу.

- Алло?

- Моррис, это я, Бартлби. Ты можешь считать сумасшедшим, но у меня дома...

- Мертвый дядя Нэт. - Закончил за него брат.

- Откуда ты знаешь? - Удивлению Бартлби не было предела.

- Сезон дождей, - очень серьезно заметил Моррис. - В позапрошлом году он останавливался у Юджина. А в прошлом у меня. Целый месяц доставал своим присутствием. Я недельку потерпел, а

потом снял квартиру в городе и домой заезжал только чтоб продукты завезти. Три дня после него всё отмывал.

- Почему ты мне об этом никогда не рассказывал?

- А ты бы поверил?

Бартлби вынужден был признать, что брат прав. До сегодняшнего дня все эти разговоры о потусторонней жизни, оживших мертвецах и прочей мистике, он считал чепухой и, как оказалось, зря.

- Ты прав. Моррис, что мне теперь делать?

- Терпеть, - Бартлби практически явственно увидел, как Моррис пожимает плечами. - Или сделать как я и уехать куда подальше.

- Дядя обещал вести себя хорошо.

- Мне тоже он так говорил. Но все эти бесчисленные жалобы на то, что его незаслуженно забыли или что ему мало уделяют внимания, или даже что я неблагодарный родственник - очень быстро приедаются.

- Может, он изменился? - С надеждой спросил Бартлби.

- Он при жизни-то почти не менялся, не то, что после смерти. Ладно, я спать. Удачи тебе с ним.

- Спасибо.

В трубке раздались короткие гудки, которые эхом отдавались во вмиг опустевшей голове Бартлби. Не сказать, чтобы разговор с Моррисом принес утешение, скорее даже наоборот.

При жизни дядя Нэт запомнился, как человек, который своей основной целью поставил непрерывное веселье, что не всегда благотворно влияло на окружающих. Нэт был большим выдумщиком, но дурное чувство юмора и неумение вовремя остановиться превратили дядю в одну из самых больших опасностей их семьи.

Кроме всего прочего он никогда не предупреждал о своём приезде, но неизменно появлялся с таким ворохом вещей, что становилось понятно - это надолго. Тоже недели на две минимум, которые запросто перерастают в три, а то и в месяц.

Бартлби с тоской подумал о том, что его размеренной и тихой жизни пришел конец. Дядя Нэт вдобавок ко всему ещё и ужасный неряха, чего стоят только эти кровавые пятна, которые конечно пришлось вытирать ему, а не дяде. Бартлби очень любил порядок, во всём. Именно тот, который пытаются привить с детства - параллельно-перпендикулярный. Всё ровно и на своих местах.

Но оставлять дом в компании мертвеца и куда-то переезжать - не хотелось. Во-первых, страшно представить, что дядя тут устроит, оставшись в одиночестве, а во-вторых, Бартлби хоть и не был героем, но преодолевать трудности умел. К тому же, стоило хотя бы попытаться...

Утром дядя обнаружился на кухне старательно поджаривающим яичницу. На столе горделиво возлежали на блюде два бутерброда с ветчиной, а ещё стояла кружка свежесваренного кофе, аромат которого свидетельствовал, что обследование кухонных шкафчиков окончилось найденной баночкой корицы.

Бартлби был растроган. Похоже, тихая и размеренная жизнь в гробу заставила дядю Нэта многое переосмыслить. Возможно, он просто пытался задобрить племянника, но раньше подобного за ним не водилось. Всё-таки, чтобы там Моррис не говорил, но дальнейшие перспективы совместного проживания виделись для Бартлби в новом свете. Даже девушки, которые оставались у него ночевать, никогда не готовили завтрак.

- Вот, племян, решил тут немного похимичить у тебя на кухне. Порадовать, так сказать. Получилось?

- Получилось, - признал Бартлиби.

Дядя расплылся в улыбке, что немного подпортило впечатление - между зубов торчал кусочек мяса. Тут же, как назло, в голове родилась мысль, что ветчину и хлеб дядя трогал РУКАМИ. Мертвыми руками, если быть точным. Бартлиби решил отказаться от бутербродов, как бы аппетитно те не выглядели. Вот яичница и кофе - другое дело. Насколько он помнил со школы - высокая температура убивает микробов.

"Все не так уж плохо", - подумал он - "Дядя старается, значит ему не всё равно. Может он что-то и делает не так, но, по крайней мере, пытается".

- Давай, налетай! - весело воскликнул дядя Нэт, водружая сковородку на деревянную подставку. - Мне то жареное бесполезно. Нам мертвецам только сырое нужно. Для поддержания формы, так сказать.

Он нелепо хихикнул и Бартлиби с омерзением вспомнил вчерашнюю сцену с поеданием мяса. Аппетит сразу куда-то испарился, но он принялся за еду, стараясь не обидеть дядю. Надо сказать, что яичница получилась знатная. Чуть пережаренная, как раз такая, какую он любил. Вспомнив, что в морозилке остались только свиные ребрышки, мысленно сделал заметку купить ещё сырого мяса. А если дядя оголодает, а ничего под рукой, кроме Бартлиби не окажется? Претворять эту гипотетическую ситуацию в жизнь и проверять что будет, как-то не хотелось.

- Ты сегодня работаешь? - Как бы ненароком поинтересовался дядя

- Ага, - кивнул Бартлиби, не замечая подвоха. - А что?

- Ничего такого, просто хотел поинтересоваться, во сколько тебя ждать. Может и ужин какой сооружу.

- Скорее всего, в пять, если ничего непредвиденного не случится. На этой неделе я в дневную смену работаю.

- Понятно.

- Тебе не скучно будет? - Бартлиби вдруг стало неловко оставлять дядю одного, после того как тот столь неожиданно себя проявил.

- Да нет, - отмахнулся Нэт. - Посмотрю телевизор, почитаю книги. Не возражаешь, если покопаюсь в твоей библиотеке?

- Не возражаю, - улыбнулся Бартлиби. - Дом в твоём распоряжении.

- Ну вот и славно.

Уходя на работу, Бартлиби насвистывал неизвестно откуда взявшийся простенький мотивчик. "Как странно" - думал он - "Никогда бы не подумал, что обрадуюсь поселившемуся у себя дома мертвецу. В смысле не то, чтобы обрадуюсь, но уж во всяком случае, буду находить плюсы в его появлении. Если бы только не этот тошнотворный запах".

С запахом действительно было тяжело. Казалось, что он пропитал весь дом. Конечно, со временем Бартлиби наверняка с ним свыкнется, наверняка ему будет даже не хватать этого аромата, когда дядя переберется к себе назад, но сейчас запах действительно давил. Занеся в мысленный список покупок освежитель воздуха, он выскочил на улицу.

Настроение у Бартлиби всё равно было преотличнейшее и даже морозящий на улице дождь не смог его испортить.

- Сезон дождей. - Глубокомысленно пробормотал он себе под нос. - Знаем, знаем. Мертвецы навещают живых...

Дверь открылась, и внезапно он ощутил приступ *déjà vu*. В доме всё так же пахло трупом, вот только возникало ощущение, что запах усилился. Бартлиби подумал, что, наверное, просто отвык от

него, пока был на работе. Из зала раздалось дядино: "Ты не можешь со мной так поступить!" Потом чей-то незнакомый голос произнес: "Пришло время платить по счетам", - и Бартлби почувствовал, как огромный камень свалился на сердце. А где-то далеко, в реальном мире, пакеты с продуктами упали на пол.

Два замечательных свиных окорока для дяди. Готовый ужин из китайского ресторана для него самого. Пара бутылок пива для того, чтобы отметить дядин приезд, может, конечно, мертвые и не пьют пива, но, тем не менее, важен сам жест. Бартлби же оценил бутерброды, хотя и не стал к ним притрагиваться.

Посторонний? Дядя пригласил гостей или пока племянник отсутствовал на работе, кто-нибудь из знакомых заглянул, проходя мимо, и сейчас сидит в компании с трупом? Дядя Нэт конечно хорошо сохранился, но нельзя же не заметить, что перед тобой не живой человек! А может это экзорцист или священник? Прознали каким-то образом о произошедшем, через того же Морриса, например, или по каким-то своим каналам и теперь готовятся к изгнанию его назад в царство мертвых. Последнее - наиболее вероятно, учитывая фразы, которые донеслись до Бартлби.

С тяжелым сердцем и смешанными чувствами (с одной стороны хорошо, что от дяди можно так вот избавиться, с другой - какой-никакой, а родственник) Бартлби аккуратно прошёл в зал.

Первое что бросилось в глаза - блюдо. В блюде лежали какие-то ошметки, в которых по сохранившейся голове и кусочкам шерсти он узнал кота. Соседского кота, если быть точнее. Бурый окрас и черная полоска между ушей.

Второе, что выхватил взгляд - разложенная на столе монополия. Бартлби вспомнил, что она валялась где-то на антресоли и доставалась от случая к случаю, обычно для дружеских посиделок коллег с работы.

Третье, самое важное, это ещё один труп. Тучный мужчина, лет шестидесяти, с залысинами и провалившимся носом. Судя по лежавшей рядом с ним стопки наличности - незнакомец удельывал дядю с большим преимуществом. "С финансами у дяди нелады не только при жизни" - мрачно отметил Бартлби.

Немая сцена, воцарившаяся в зале, была достойна одной из лучших театральных постановок. Мужчина заерзал под пристальным взглядом хозяина дома, отвел мутные тоскливые глаза, пробормотал: "Мне, наверное, пора", - и как бы ненароком поспешил покинуть помещение. Бартлби с неким внутренним облегчением услышал донесшийся из прихожей звук закрываемой двери, после чего повернулся к дяде.

- Неужели уже пять? - С ничуть не наигранным изумлением поинтересовался тот.

- Шесть. Я в магазин ещё заезжал.

- Не может быть! Что-то мы засиделись, время то как быстро пролетело.

- Что это такое? - Мрачно поинтересовался Бартлби.

- Гость. Мы играли в монополию. Неприлично приводить гостя в чужой дом, но ты сам сказал, что он в моём распоряжении.

- Я имею в виду вот это! - Неожиданно даже для самого себя вскричал Бартлби, указывая на блюдо, отмечая попутно, что впредь нужно быть построже с формулировками.

- Ах, это, - засуетился дядя. - Это кот. Стивен принес немножечко закуски. Так мило с его стороны.

- Он принес его ещё живого? Хотя, нет! Не отвечай! Не хочу слышать! Ничего не хочу слышать! Дядя Нэт, лучше молчи!

По внешнему виду мертвеца было понятно, что молчание в данной ситуации он тоже считал наилучшим выходом. Бартлби набрал, было, воздуха, чтобы разразиться гневной тирадой, но вместо этого махнул рукой и, ничего не говоря, поднялся наверх, в свою комнату.

Как-то само собой получилось, что он набрал номер Морриса.

- Здравствуй, это Бартлби.

- Проблемы?

- Дядя притащил в дом гостя. Мертвого.

- Быстро он в этот раз. У меня это случилось неделе на второй. Я ещё с девушкой был. Понимаешь, думал, что наличие дяди как-нибудь смогу объяснить, пускай мертвый, но сохранился то он неплохо, а в итоге застал его с тремя друзьями. Они играли в маджонг и были очень недовольны, что пришлось их спровадить. У одного не хватало двух пальцев, а у второго изрядно подъели лицо. Девушка ничего слушать не захотела, так что больше я её не увидел. А ведь дело шло к свадьбе.

- У меня они играли в монополию. Правда я был один и гость, собственно говоря, тоже, так что у тебя ситуация была хуже. - Признал Бартлби.

- Ерунда. Ты же знаешь дядю Нэта, он тебе ещё преподнесет сюрприз.

Бартлби внутренне содрогнулся. Чего-чего, а сюрпризов ему за последние два дня хватило. Сначала умерший родственник, потом его друг, с которым так интересно поиграть в монополию. Моррис говорит, что к нему он приводил троих, так оглянуться не успеешь, а у тебя дома уже поселилось целое кладбище, которое неплохо проводит время в таком мертвецком Монте-Карло.

- Что мне делать Моррис?

- Я же говорю - терпи. Ну или переезжай куда-нибудь на время.

- Но это мой дом, Моррис! Мой дом! Не дядин, а мой и я в нём устанавливаю правила! Завтра же я скажу ему, чтобы он убирался! - Бартлби осознал, что перешел на крик, но ничего с собой поделать, начиналась истерика. - А если он не уйдет...

Молчание царило секунд пять, наконец, на том конце Моррис с любопытством спросил:

- Тогда что?

- Не знаю. - Честно признался Бартлби.

- Учти сразу - крест на него не действует. У меня в зале, над диваном висело распятие, и оно несколько не мешало дяде смотреть телевизор. Святая вода, в общем-то, тоже никакого эффекта не даёт.

- Ты подмешивал дяде святую воду?

- Я опрыскал его, после того как обнаружил в холодильнике внутренности своих кроликов, посыпанные зеленью. Безрезультатно.

Бартлби вспомнил, что Моррис увлекался разведением кроликов. По крайней мере, раньше. Спрашивать же, как протекает это увлечение сейчас, он счел некорректным.

- Ладно, Моррис, я, пожалуй, спать лягу, день был трудный.

- Давай, удачи тебе. Держи меня в курсе.

- Конечно, спасибо за помощь.

- Не за что.

Откинувшись на кровати, не раздеваясь, Бартлби прижал трубку к груди, слушая короткие гудки. Постепенно, убаюканный ими, он заснул.

Спустившись вниз, он вновь застал дядю за приготовлением завтрака. Весело напевая, тот что-то помешивал в глубокой миске. Бартлби принюхался, но запах оказался незнакомым. Интересно, что это могло быть?

- Ты уж прости меня, племяш, за вчерашнее. Виноват, с кем не бывает, вот, на, попробуй!

Дядя протянул ему миску со странного вида содержимым. Что-то жутко перемешанное и посыпанное зеленью.

- Вот, внутренности кроликов, мой фирменный рецепт.

Бартлби почувствовал, что его сейчас вырвет, но вместо этого проснулся. На работу было идти ещё рано, но оставаться в одном доме с дядей Нэтом ужасно не хотелось. Причем именно ужасно, во всех страшных смыслах этого слова. Богатое воображение Бартлби рисовало картины того, что с ним может произойти.

Тихонько собравшись, благо одеваться было не надо, он выскользнул из комнаты и, ступая на цыпочках, начал спускаться по лестнице. Благополучно преодолев эту часть пути, Бартлби шумно выдохнул, но, спохватившись, зажал рот рукой и прислушался.

Судя по шуму, дядя Нэт действительно хлопотал на кухне. Бартлби передернуло. Он вспомнил сон, а потому, невзирая на осторожность, добежал до двери, обулся и выскочил на улицу, прямо под дождь, забыв плащ, зонтик и ключи от машины. Но это его не остановило. Быстрым шагом он двинулся на остановку, чтобы уехать на автобусе. Желательно конечно на работу, но в любом случае куда-нибудь подальше от собственного дома...

В следующий раз Бартлби позвонил Моррису через неделю. Тот ожидал этого звонка раньше, поскольку помнил, кто такой дядя Нэт.

- Моррис, я схожу с ума. - Произнес Бартлби развязным голосом, находясь, судя по всему, в изрядном подпитии.

- Что случилось?

- Много чего. Дядя Нэт - это неуязвимый монстр. Честное слово.

- В смысле?

- Знаешь, каждое утро он готовит мне завтрак и обещает исправиться, а вечером дом полон гостей. Мне кажется, половина городского кладбища побывала у меня. Когда я был на выходном, не выходил из дома весь день и ночью проснулся под звуки оркестра. Моррис, двадцать лет назад город потерял великолепного скрипача. Остальные конечно фальшивили, но скрипач был божественен.

Бартлби начало заносить куда-то не туда.

- Ты что-то говорил о неубиваемости.

- Ах, да. Извини, увлекся. Я вызывал на дом священника. Объяснил ему проблему, как смог. В результате он отпустил дяде грехи, потому что тот, видите ли, не успел исповедоваться, когда умирал. После чего священник абсолютно спокойно ушёл, прочитав мне на прощанье проповедь о том, как тяжело живется на том свете пропадающим душам. Он решил, что существование дяди - это лишнее подтверждение тому, что грешные люди в рай не попадают.

- То есть так просто взял и ушёл?

- Не совсем. Но что-то в этом духе. Бог не против того, что мертвые навещают живых, видите ли. Забота о близких должна распространяться и на их загробный период. - Бартлби хихикнул. - Загробный. Ха! У меня ощущение, что дядя никогда не лежал в гробу, а всё это только история, чтобы беспрепятственно жить у родственников. Наверняка где-нибудь он рассказывает про сезон жары!

- По-моему он всё-таки мертвый.

- Ну да, ну да. Это так, мои фантазии. В любом случае мертвый, а живее всех живых. Даже экзорцист не смог с ним ничего поделать.

- Ты вызывал экзорциста?

- Сразу после священника. Дядя дал ему пару советов о том, как правильно изгонять духов и порекомендовал парочку домов, где поселились его приятели, успевшие уже потерять тело. Тот ушёл довольный и с мыслями о том, как он неплохо заработает.

- И что ты теперь собираешься делать?

- Не знаю. Но что-то точно. У меня сейчас ситуация, которая в моей работе называется: "Как избавиться от тела". Я знаю много способов, поверь, но ни один из них не подходит, потому что тело ЖИВОЕ!

Бартлби вновь истерично хихикнул, заставив Морриса насторожиться.

- Ты в порядке?

- Настолько, насколько может быть в порядке человек с мертвым родственником в доме.

- Слушай, Бартлби, давай так, ты сейчас успокоишься, я возьму завтра выходной, приеду к тебе, и мы всё обсудим в нормальной обстановке.

- Я спокоен Моррис, - загадочным тоном произнес Бартлби. - Я абсолютно спокоен. Кажется, я нашел выход, так что не нужно тебе приезжать. Лишние нервы.

- Какой ещё выход? - Не на шутку встревожился Моррис.

Поведение брата начинало его пугать. Он конечно парень впечатлительный и с буйной фантазией, но таким нервным он давно его не видел, если не сказать никогда.

- Не ска-жу, - по слогам произнес Бартлби, капризным тоном маленького ребенка. - А вдруг ты меня переубедишь? Нет уж. Лучше я сделаю так, как всё задумал.

На другом конце повесили трубку. Моррис несколько раз перезванивал, но к телефону никто не подходил. Мысленно кляня себя за то, что не сделал этого раньше, он выскочил из дома и направился к машине. Страшно было даже подумать, что может произойти.

Бартлби украдкой заглянул в зал. Так и есть, дядя Нэт расположился у телевизора. Сегодня показывали "Ночь живых мертвецов", и тот ни за что не собирался пропускать эту "очаровательную комедию", как он выразился.

Прошмыгнув на кухню, Бартлби открыл морозилку и достал пистолет. В тех же фильмах пули неплохо помогали против зомби. Конечно, дядю трудно было с ними сравнить, но всё же был шанс, что это сработает.

Щелкнув затвором, он снял оружие с предохранителя и, придерживая трясущуюся не столько от тяжести, сколько от напряжения, руку направился в сторону зала.

- Вот и всё... - тихонько прошептал он и выстрелил.

В воздухе запахло гарью, громкий звук резанул по ушам, дядя дернулся и тут же повернулся, в изумлении смотря на Бартлби.

Тот сделал второй выстрел, третий. Бесполезно. Пули попадали в дядю, прошивали навывлет, но тот продолжал сидеть и недоуменно смотреть на племянника. После очередного выстрела экран телевизора разлетелся вдребезги. Стоявший на нём подсвечник (дядя Нэт считал это романтичным) упал, но не погас. Пламя начало потихоньку подбираться к шторам.

- Ну, давай же, давай. Ну! - Кричал Бартлби в исступлении.

Патроны кончились и теперь раздавались лишь щелчки, а он всё никак не мог остановиться.

- Племяш, ты чего? - Произнес дядя вставая.

Вытянув вперед руку, он направился к Бартлби. В испуге тот бросил в ожившего родственника пистолет, но промахнулся. Вместо дяди попал в окно, о чём возвестил звон разбитого стекла.

Комната представляла собой ужасное зрелище. Раскуроченное нутро телевизора. Обломки, раскиданные по всей комнате и перемешанные с осколками стекла. Шторы уже загорелись, и, пока на него не обращают внимания, огонь стремился завоевать как можно больше пространства.

Бартлби представил во что именно комната превратится после этого. "Хватит!" - устало подумал он, проваливаясь в темноту - "Хватит! Надоело убираться! Мне нужен отдых..."

Дом встретил Морриса зажженными окнами и тишиной. Припарковавшись, он постучал дверь, а затем, не дождавшись ответа, открыл.

В воздухе пахло трупом. Запах дяди Нэта, который объяснял его процессом переработки сырого мяса в умершем организме. Хотя, что именно занималось этой переработкой - объяснить не мог. Ещё примешивался еле уловимый запах гари. "Ужин подгорел?" - мысленно предположил Моррис.

Пройдя в зал, он застал лежащего на полу Бартлби и сидевшего рядом с ним дядю, который с задумчивым выражением лица обглаживал свиные ребрышки. Ковер был залян кровью, телевизор сломан, окно разбито, а темные пятна над ним и обгоревшие шторы свидетельствовали о недавно потушенном пожаре. Представив как разозлится Бартлби, когда очнется и это увидит, Моррис содрогнулся.

- А. Ещё один племяш. - Как-то очень непривычно серьезно среагировал дядя.

- Что с Бартлби?

- Умер.

- Как умер? - Моррис присел на диван, стараясь не смотреть в сторону Бартлби. - Я два часа назад с ним разговаривал, он был абсолютно живой.

- Два часа назад - да, а часа полтора назад - умер.

- Что произошло?

- Сначала он пытался стрелять в меня из этого пистолета, - Дядя кивком показал на стол. - Но ничего этим не добился. Только переломал тут всё кругом. А когда я встал и попытался узнать у него, в чем дело - он упал и больше не шевелился. Я подумал, что у парня обморок, но оказалось - сердце не выдержало.

Моррис вперил взгляд в темный провал окна. Бартлби умер. Хорошенькая новость ничего нельзя сказать. Конечно, он слишком серьезно относился к дядиным выходкам, да и вообще ко всему в жизни, но это ведь не повод, чтобы вот так, почти в тридцать лет умирать от разрыва сердца.

"Дядя Нэт во всем виноват!" - Моррис тут же отбросил эту только-только успевшую появиться мысль. В конце концов, сам он благополучно пережил свидание с ожившим родственником. Видимо тут просто нелепое стечение обстоятельств, и винить кого-то бессмысленно.

- Кажется, мне придется задержаться, чтобы уладить кое-какие дела. - Задумчиво пробормотал Моррис.

- Ну да, похороны, церемонии, наследство опять же. Кстати, племяш, ты не против, если я пока здесь проживу чуток. Сезон дождей подходит к концу, и ты знаешь...

- Знаю, - перебил Моррис. - Но не думаю, что Бартлби это бы понравилось. Впрочем, ладно, живи. Я думаю ему уже всё равно, хотя... Он не вернется таким как ты?

- Не думаю, - покачал головой дядя. - Видишь ли, когда он умирал, у него было только одно желание - обрести покой. Возвращаются только те, кто перед смертью думал о том, как многого он не успел сделать при жизни. Хотя, это только моя личная теория.

- Спорная теория.

- Ну, знаешь ли. - Хитро улыбнулся дядя. - А священнику очень понравилось.

Моррис вздохнул и достал из кармана сотовый. Придется просить внеочередной отпуск, как минимум на неделю. Он не собирался оставлять дядю одного в доме Бартлби. Ему казалось, что брат был бы благодарен...

ХОЧЕШЬ ЖИТЬ ВЕЧНО?

НАТАЛЬЯ ШНЕЙДЕР

Ольга вышла из ванной, прошлепала босыми ногами по теплomu пластику пола.

-Музыку! Первый список.

«Forever young» - послушно отозвались динамики «I want to be forever young»¹. Женщина улыбнулась. В тот год, когда она впервые поцеловалась, эта песня была хитом сезона. Быстрый, жесткий ритм – идеально для танца. Стоило немалых трудов – и денег – найти этикие раритеты. Но деньги и существуют для того, чтобы их тратили, а время... время она давно не считала.

Женщина блаженно потянулась, сбросила на пол полотенце, устроилась на пуфике перед туалетным столиком.

-Зеркало!

Ольга не торопясь разложила перед собой косметику, отточенными движениями нанесла макияж, глядя в ставшую зеркальной поверхность стены. Тщательно расчесала длинные пепельные волосы. Так же неторопливо оделась. Что бы ни творилось в окружающем мире, как бы он ни менялся – женские ритуалы вечны.

Солнце выглянуло из-за горизонта. Светофильтры на окне во всю стену сработали мгновенно, превратив ослепительное пламя в мягкий теплый свет. Мало кто строил дома с выходом на поверхность – технологически сложнее, а значит – дороже. Да и кому нужен вид из окна? Особенно, когда жизнь человека совершенно не привязана к суточным циклам на поверхности. Но Ольга почему-то любила безжизненный пейзаж по ту сторону. Серая пустыня, усеянная причудливыми камнями с резкими, угловатыми контурами. Яркое солнце на угольно-черном небе. Так странно. Так непохоже на Землю.

Женщина взглянула на часы – пора выходить. В последний раз оценивающе посмотрела в зеркало. Что-что, а хорошо выглядеть она умела всегда. И в этот раз внешность была тщательно продумана. Старомодный макияж в естественных тонах. «Небрежно» падающие на плечи пепельные кудри. Длинное светло-голубое платье под цвет глаз. Единственное украшение – нитка жемчуга. Ольга улыбнулась – так одевались два века назад. То, что нужно для таких замшелых древностей, как она и Владимир. Вечер тоже будет старомодным – свечи, вино, музыка...

Она вышла из квартиры – в коридоре уже ждала машина. Маленькая, на одного человека. Ольга коснулась дверцы – та послушно отъехала в сторону. Устроилась на мягком сиденье. Завела в систему адрес. И расслабилась, глядя на мелькающий за окошком город.

Машина остановилась, приехав по заданному адресу. Ольга отогнала прочь ненужные мысли, вышла навстречу ожидавшему ее мужчине. Интересно, а Владимир помнит, какое сегодня число?

¹ Вечно молодой. Я хочу быть вечно молодым - англ.

Ведь это он явился к ней двести лет назад. Никогда бы не подумала, что Мефистофель носит белый халат...

-Доброе утро. Как вы себя чувствуете?

Как, как... Как себя чувствует человек, знающий свой диагноз?

-Замечательно, - улыбка, наверное, сделает честь любой гиене. Какого черта! Неужели это и есть хваленая врачебная этика – улыбаться и врать в глаза?

-Оленька, это Владимир Петрович. С сегодняшнего дня – он Ваш лечащий врач.

-Очень приятно. – Этот ли, другой... не все ли равно? Финал в любом случае известен.

-Ольга, сегодня Вас переведут в другую палату. А вечером я проведу осмотр, и мы поговорим о вариантах лечения. Не возражаете?

Идеально отутюженный халат. Аккуратно подстриженная борода. Безукоризненная улыбка в тридцать два зуба. Всегда терпеть не могла таких лохотных красавчиков.

-А у меня богатый выбор?

-Едва ли, - хмыкнул врач, - Хорошо, Ольга, увидимся на вечернем обходе.

Палата оказалась одноместной – очень странно. В переполненном онкологическом диспансере двухместные-то были платными. А денег у семьи не так много для того, чтобы платить за удобства – на лекарства бы хватило. Учитывая, сколько стоят цитостатики... Так за что такие блага?

Доктор, как и обещал, появился вечером.

-Ольга, кто вы по образованию?

-Я учусь на биохимику. Год остался.

-Отлично.

Снова ослепительная улыбка. Ему бы не врачом работать, а в кино сниматься.

-Нам будет проще разговаривать. Вы знаете свой диагноз?

-Да.

Если на титульном листе написано «заболевание», осталось только уточнить вид опухоли. Подружка-студентка медицинского института как-то рассказывала. Тогда Оля пропустила это мимо ушей – теперь вот вспомнилось. Непонятно почему. А гистологи в своих заключениях и вовсе не церемонятся.

-Значит, мне не придется шокировать Вас правдой, а потом ждать, пока вы сможете ее осознать. Каждый день бесценен.

А вот тут ты прав. Сам не знаешь, насколько прав...

-Ольга, я предлагаю Вам участие в эксперименте. Вероятность неудачи высока, не скрою. Но если получится – это спасет Вам жизнь.

-Ну прямо как в мелодраме, - поморщилась девушка. – А если без пафосных слов – в чем дело?

Не верить. И без того стоило немалых сил примириться с неизбежным. Начать все сначала – увольте!

-Оля, это не мелодрама. Вы биолог – принципы клонирования объяснять не надо?

Девушка рассмеялась:

-Бред какой! Даже если забыть о том, что удачно клонировать человека еще никому не удалось... что мне с того, что вы получите младенца?

-В точку! – Врач улыбнулся. - Оля, вы невероятная умница. Давайте, я не буду ничего объяснять сейчас – просто оставлю информацию. Вы почитаете, подумаете – двух дней хватит? А послезавтра поговорим.

Он протянул девушке наладонник:

-Вы ведь работали с компьютерами? Операционная система идентична, разберетесь.

Она читала всю ночь, продираясь через термины, вспоминая все, что знала о делении и росте клеток. О биохимии памяти. А утром, едва проснувшись побежала к телефону в холле – звонить домой и просить учебники. Срочно.

Все казалось таким понятным и логичным. Если память – это лишь набор и-РНК в клетках мозга, да некая совокупность синапсов с более быстрым проведением импульсов. Если скорость роста организма ограничена лишь скоростью деления и роста клеток. Если все технические детали верны... Тогда почему об этом не орут на каждом перекрестке? Известность – это ведь не просто слава, это и деньги.

Именно об этом она и спросила Владимира Петровича на следующий день. Тот только усмехнулся:

-У военных деньги есть. И технологии тоже. А вот шум им совершенно ни к чему.

-У наших военных? – Оля вытаращила глаза. - Вы ничего не путаете?

-У наших военных, Ольга. Не стоит верить всему, о чем кричат журналисты.

-Давайте еще раз. Вы выращиваете клон. Быстро. До моего нынешнего биологического возраста.

-Думаю, чуть помладше. Лет до шестнадцати. Времени мало. Но этого никто не заметит, - врач улыбнулся.

-Хорошо. И перемещаете туда мою память – технические детали опустим.

-Вы все поняли правильно.

Бред. Разум устал бояться смерти и нашел выход. Что ж, пусть. Но за эту соломинку она ухватится.

-Если что-то пойдет не так – что может случиться?

-Вы хотите знать, чем рискуете? – Врач откинулся на спинку стула. – Первый вариант – безумие. Второй – все просто останется как сейчас. Расклад вероятностей дать не могу – я не пророк, а ученый.

-Значит, я ничего не теряю. В какой форме нужно согласие?

-Отлично. – Владимир Петрович протянул папку. – Здесь пакет документов.

Договор волонтера в медицинских исследованиях. Методика... Возможные осложнения... В случае неудачи клиника не несет ответственности за психическое состояние пациента... какая разница, психическое состояние собственного трупа ее не волнует. Предупреждение: полученный в результате эксперимента клон может иметь девиации от исходного состояния личности. Клиника оставляет за собой право не уведомлять пациента, на какой стадии находится эксперимент.

Плевать. Выжить. Закончить институт. Выйти замуж. Родить детей... Да просто ходить и дышать – как мало, оказывается надо для счастья!

-Подпишите здесь... и здесь... и отдельно обращаю Ваше внимание на приложение о сохранении секретности.

Росчерк.

-Что дальше?

-Ждать. Ваша ДНК у нас есть – сами понимаете, любой анализ из клинического минимума даст образцов в избытке. Когда придет пора сканировать память, Вам дадут наркоз...впрочем, об этом мы еще поговорим в свое время. Стандартное лечение не отменяем. До завтра, Ольга.

Пламя свечей превратило идеально белые простыни в золотистые, окрасило бронзой тела. Время страсти миновало, оставив блаженную истому. Ольга лежала на животе, небрежно покачивая ногой.

-Володь, а как ты ухитрился отвязаться от военных?

Мужчина не торопясь закурил, выдохнул ароматный дым, усмехнулся:

-Исключительно незаконными методами.

-Не хочешь – не надо, - обиженно фыркнула Ольга. – Секретничай дальше.

Его рука прошла по изгибу поясицы, спустилась ниже.

-Это стоило немалых трудов, кучу денег и еще больше нервов. Не самые приятные воспоминания, поверь.

Женщина чуть изогнулась, принимая ласку, потом поднялась. Плавно покачивая бедрами, прошествовала к накрытому столу, наполнила два бокала. Вернулась, протянула один Владимиру.

-Честно говоря, очень удивилась, встретив тебя здесь. Думала, что ты давно уже на том свете.

-Ну что ты... - он рассмеялся. – Держать в руках ключ от вечности и не воспользоваться самому... Шутить?

Ольга откинулась на подушки, пригубила вино.

-Так значит, это не было «непредвиденным генетическим сбоем»?

-Нет, конечно, - снова мягкий, бархатный смешок. – Но предложи я тогда не здоровье, а бессмертие – поверила бы? Или решила бы, что врач рехнулся?

Она рассеянно кивнула, припоминая. Когда незадолго до выписки Владимир рассказал о «непредвиденном побочном эффекте», девушка лишь рассмеялась и тут же выбросила из головы нелепую придумку.

Заканчивать институт она не стала. Неожиданно обретенная жизнь переливалась яркими красками, и казалось таким глупым тратить драгоценные часы на учебники. Старые друзья, новые знакомства, вечеринки, путешествия... Она искала новых впечатлений и не могла насытиться ими, как путник, умиравший от жажды в пустыне не может напиться, добравшись, наконец, до благословенной влаги. А еще почему-то казалось важным быть красивой. Ольга всегда была хорошенькой, но сейчас ей стало нравиться следить за собой. Радость здорового, поющего тела после спортивного зала. Хорошее настроение после взгляда в зеркало. Тепло внутри от восхищенного мужского взгляда. Все это стоило тех «жертв», которые, якобы, требует красота. Тем более что вскоре удачное замужество позволило вообще не беспокоиться о деньгах. В тридцать Ольге говорили: хорошо выглядишь. В сорок – не может быть. Она заподозрила неладное лишь на встрече одноклассников – на тридцатилетии окончания школы. А еще через пять лет она сделала себе новый паспорт, забрала деньги и драгоценности и уехала в другой город.

Новые места, новые люди. Ей нравилось каждый раз начинать жизнь сначала. Актриса, фотомодель, телеведущая... Быть в центре внимания казалось необходимым, как воздух. А когда это надоедало – можно было исчезнуть. Память толпы коротка – уже через десяток лет люди забывают былых кумиров. И значит, можно появиться в новом месте, с новым именем и без

прошлого. С прошлым Ольга и вправду расставалась легко. Детей у нее не было – первый муж оказался бесплоден, а потом она сделала стерилизацию. Видеть, как старится и умирает твой ребенок – зачем?

На луну она перебралась в поисках новизны и, как не странно, покоя. А Владимира-то что сюда занесло?

-Любопытство, - Он допил вино, поставил бокал на пол. – Во-первых, мальчишкой я мечтал стать космонавтом. Но быстро понял, что очкариков в космос не возьмут.

-Ты – и романтик? – серебристо рассмеялась Ольга. – Ни за что не поверю.

-А во-вторых – веду исследование. Об изменении проводимости мионевральных синапсов в условиях сниженной гравитации.

-Таких исследований полно со времен первых космонавтов.

-Таких, как мое – нет. Несколько поколений одной семьи, начиная с коренного землянина и заканчивая... - он пожал плечами. - Сейчас я на внуках. Пожалуй, пару поколений еще посмотрю. Причем по всем – срез в трех возрастах. И чем дальше копаю, тем интереснее становится.

Он потушил сигарету и продолжил:

-Погоди, соберутся к звездам, встану на уши, но в экспедицию пробьюсь. Там должна быть уйма работы – только успевай поворачиваться.

-А толку-то в твоей работе. – Ольга легко щелкнула его по носу. – Взять хоть те, с памятью – так после тебя никто и не повторил? И кто знает, что ты это делал?

-Да повторили, скорее всего, - задумчиво протянул Владимир. – В наше время сумасшедший гений в башне из слоновой кости – нонсенс. Я же не один работал. Но только представь, что начнется, если результаты станут известны. Кучка бессмертных – тех, у кого достаточно денег или власти. И все остальные. Так что наверняка засекретили все к чертовой матери. И правильно сделали, честно говоря.

Он помолчал немного, потом добавил:

-А насчет того, кто знает, что я был первым... Я знаю. И этого достаточно, поверь. Да и публикаций по другим вопросам хватает.

Они снова замолчали, думая каждый о своем.

Ольга помахала вслед уезжавшей машине. Шагнула через порог. Пожалуй, эта встреча будет последней. Он прекрасный любовник и интересный собеседник – но хватит возвращаться к прошлому. Жизнь летит своим чередом, и глядя назад легко потерять настоящее.

Владимир курил, бездумно глядя на огни, мелькающие за окном машины. Больше не стоит звонить. Ока красива и хороша в постели, им есть что вспомнить. Но так обидно наблюдать, как человек пускает по ветру вечность. Как будто ты принес в подарок горсть жемчужин, а их одну за другой спустили в канализацию.

Да и все время ждать самого главного вопроса... впрочем, вряд ли, она об этом просто не подумает, как не думала до сих пор. А вот самому Владимиру частенько снилось, как он выключал аппарат искусственной вентиляции легких у своего первого «я».

-В вашей больнице просто творят чудеса! – Олина мама утерла набежавшие слезы, спрятала в карман платок. Мы уже не надеялись...

Она сжала руку дочери, словно та могла исчезнуть в любую минуту. Оля успокаивающе погладила мать по плечу, встретилась глазами с врачом, едва заметно улыбнулась.

-Мы как-то можем Вас отблагодарить? – вмешался отец.

Доктор покачал головой:

-Не стоит.

Снова перевел взгляд на свою пациентку:

-Оля, не забывайте проходить обследование раз в полгода. Диспансерный учет оставляем на пять лет, если в течение этого времени рецидивов не будет – снимем. Дальше живите, как сочтете нужным.

-Хорошо. – Кивнула девушка. – До свидания, Владимир Петрович.

-Всего доброго.

Он вернулся в отделение. Посидел в ординаторской, для чего-то изучая историю болезни, которую и без того знал наизусть. Поднялся на другой этаж, прошел в палату интенсивной терапии. Присел рядом с кроватью.

Девушка лежала, укутавшись одеялом по самый подбородок – лишь правая рука, в которую уходила трубка капельницы, была не укрыта. Серовато-бледная кожа сливалась с бельем. На заострившемся личике глаза казались огромными.

-Здравствуйте, Оленька. Как вы себя чувствуете.

-Спасибо, хорошо, - прошелестела больная.

Владимир присел рядом с кроватью.

-Оленька, простите, я должен сказать, что...

-Снова не получилось? – Слезы побежали по щекам. – А я так надеялась.

-Простите, Оленька. Ни один клон не выжил.

Она отвернулась, свободной рукой натянула одеяло на лицо. Владимир молча вышел.

На посту медсестры негромко звучал старенький приемник. Передавали что-то современное.

«I want to be forever young» - несло из динамика. «Do you really want to live forever?»¹»

¹ Ты действительно хочешь жить вечно? – англ.

МОЯ СЕСТРИЧКА

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВА

*Посвящается моей
вирт-сестричке Stashevskoy,
она же Jerrie_Baxton*

*- Деда, а куда птицы летят?
- В теплые края, малыши.*

Подруга моя, сестра моя, я хочу рассказать твою историю, пока еще помню ее. Пара сезонов, и она сотрется так же, как незаметно исчезло все остальное - обо мне и моем прошлом, о других сестричках, покинувших нас за эти долгие-долгие годы, о чудных местах и странных событиях... Соловушка сидит рядом со мной на ветке старой плакучей ивы, я смахиваю сладкие слезы сестринской любви со своих щек и осторожно глажу его одним пальцем по серой головке. Пусть он услышит о тебе и споет новую песню о юной веснянке, горячей любви и холодной зиме. Зиме, которую ты захотела встретить.

Люди говорят, у нас нет души... Возможно. Но только потому, что веснянки - сами души, души тех, кто обрел крылья в последнем своем полете. Так что понимают эти глупые люди, никогда не знавшие неба и не купавшиеся в пушистых облаках?! Прости, сестра, я опять о другом...

Слушайте, певучая пташка и плакучее деревце, слушайте и запоминайте. Быть может, вы расскажете мне мою сказку, когда я сама позабуду ее.

Над лесным озером стоял густой холодный туман. Сквозь него вязко пробивались тихие звуки приближающего рассвета. Но все их перекрыл слаженный крик птичьей стаи. Сквозь влажную белизну опустились на зеркальную поверхность невиданные огромные птицы, похожие на черных лебедей. Они медленно обогнули все озеро вдоль берега противосолонь, а когда последняя вернулась туда, где они появились, вся стая издала громкий ликующий крик, окунулась в чистые воды, и - чудо: на поверхность вместо девяти длинношеих птиц всплыло столько же юных дев с фарфорово-бледной кожей, бирюзовыми глазами и черными, отдающими небесной синевой, длинными волосами, мокро липнущими к остреньким девичьим плечам.

- Вот и веснянки вернулись, значит, зиме конец, холодов больше не будет, - подумал маленький леший, разбуженный птичьим криком. Он высунул лохматую голову из кучи палой листвы и с улыбкой смотрел на своих прошлогодних подружек. Его зеленая мохнатая мордашка пошла морщинками от широкой счастливой улыбки, малыш оглушительно ухнул, вылез из уютной норки, вскарабкался на плакучую иву, растущую у самой воды и, приставив ладони ко рту, прокричал:

- С возвращением, сестрицы!

- Здравствуй, маленький братец! - дружно раздалось с озера. Веснянки подплыли к дереву и шаловливо стали дергать за нижние ветки, опустившиеся почти к поверхности воды.

- Ну-ну, не балуй, - притворно сердито фыркнул леший, резво спрыгнул вниз, поклонился на три стороны и даже ножкой галантно пришаркнул. При его невеликом росте, плоской волосатой мордочке и длинных, как у зайца, острых ушках все это выглядело одновременно торжественно и комично. Посмотрев на веснянок, похожих друг на друга, как близнецы, он заметил, что их на одну больше, чем прошлым летом.

- А у вас прибавление? - полюбопытствовал он.

Смеющиеся девушки вытолкнули вперед невысокую худенькую девчущку.

- Посмотри, брат Зозуля, какая у нас новая сестричка. Ее принесло к нам северным ветром на одном из привалов. Она смешная, говорит - помнит, что была человеком.

Леший поморщился:

- Тоже мне - радость. Не люблю я людей, вред от них и лесу, и озеру. Зимой, правда, мало их тут было, но уж пару недель, как снова захаживают: цветы рвут, кусты ломают, рыбу ловят, да птиц-зверей пугают. Беспокойное племя, суетливое и глупое.

- Зря ты так, - тихо проговорила новенькая. - Люди разные бывают.

Проговорила, повернулась и тихо поплыла к середине озера, туда, где сквозь уже расходящийся туман просвечивала темным пара заросших густым кустарником небольших островков.

- Ничего, привыкнет, - улыбнулась другая веснянка, и все девушки, попрощавшись с лешим до вечера, отправились отдохнуть с дороги - кто на острова, кто - на дно в мягкую тину.

Вот так, сестренка, мы и вернулись на заповедное озеро. Весну и лето оберегает оно нас от чужих глаз, а как почувствуем приближение осени, то превращаемся в больших черных птиц и улетаем в теплые края до следующего года.

Ты была такая одинокая и печальная, что все сестрички старались тебя расшевелить-развлечь, лесной народец звал на свои хороводы и игрища, маленький леший рассказывал поучительные и веселые истории, и не прошло и месяца, как ты стала почти такая же, как и все мы. Почти. Если бы не это "почти", ты и сейчас была бы с нами.

Маленькая веснянка доплетала на берегу озера венок из желтых кувшинок с толстыми упругими стеблями, когда услышала треск сучьев. Она не нырнула, а спряталась в ивовых зарослях, решив посмотреть на того, кто нарушил лесной покой. На берег, переругиваясь в шутку, выбрались из леса два не то подростка, не то юноши с гладкими раскрасневшимися лицами. Один держал в руках удочки и котелок, другой - пустое ведерко и большой холщовый мешок. Отдуваясь, они сели на траву, и тот, что чуть повыше, сказал:

- Зря мы сюда пришли, дед говорит, что место это зачатое, и человеку сюда ходить не след.

- Чудак твой дед, посмотри - какая красота, - отозвался светловолосый сероглазый паренек. - Рыбы не наловим, так хоть полюбujemyся.

Вечернее озеро и вправду было удивительным: по поверхности пробежала легкая рябь от теплого ветерка и расходились круги от рыбьих любопытных морд, с интересом поглядывающих на непрошенных гостей. Низкое уже солнце, висящее над лесом, как большой красный блин, окрашивало облака во все оттенки алого, розового и лилового. Да и сам лес не выглядел зачарованным, неприветливым и злым.

- Половим рыбку, костер разложим, ухи наварим, потом байки разные потравим, а с рассветом - домой, - белобрый парнишка размотал снасти, отошел чуть в сторону, насадил на крючки

жирных извивающихся червяков. Приладив удочки, чтобы они не свалились в воду, он вернулся к приятелю, и они вдвоем стали обустраивать маленький временный лагерь: вырезали место для кострища и дружно утоптали его, собрали хворост, воткнули рогульки, развели огонь, зачерпнули котелком воды и повесили его на перекладину, потом нарубили веток для постели.

Маленький леший, незаметно подкравшийся к веснянке, только охал от такого самоуправства. Рыбы обнюхали аппетитных червяков, беззвучно похихикали и уплыли восвояси.

Так ничего и не поймав, парнишки не уныли, достали из котомки съестные припасы, сварили кулеш из пшеницы с салом, поболтали немного и завалились спать, укутавшись в захваченные тонкие одеяла.

Костер потихоньку прогорал, и веснянка решила посмотреть на людей поближе. Она подошла и склонилась над светловолосым, немного похожим на полузабытого старшего брата. Капля воды с ее белоснежного лба упала на лицо спящего, он поморщился и приоткрыл глаза. Увидев напротив своего лица нежное девичье, юноша улыбнулся и пробормотал:

- Какой красивый сон.

Потом он поднял руку и дотронулся до щеки девушки. Словно зачарованная она сняла со своей головы желтый веночек и положила рядом с вихрастой мальчишечьей макушкой, легонько погладила по растрепанным волосам, на секунду прижала свои губы к его губам и, пока он не проснулся окончательно, скользнула из круга света, отбрасываемого костром, в темноту. Парень прижал ладонку правой руки ко рту, потом рывком сел, недоуменно огляделся по сторонам, огорченно пробормотал:

- Померещилось, - и снова прилег на шуршащее ложе.

Сестричка, моя маленькая сестричка! Мы - дети воды и воздуха, нам даны легкость мыслей и счастливое забвение прошлого. Нам нельзя играть с огнем - это чуждая злая стихия. Почему мы не предостерегли тебя? И зачем ты зажгла от уголька того людского костра огонь любви в груди, в которой не бьется человеческое сердце?

Несколько дней лесные и озерные жители отдыхали от человеческого вторжения. Маленький леший натаскал дерна и заложил им черную рану от кострища, изломанные кусты залили смолой обрубки веток, кулик оплакал неродившихся деток из разоренного пришельцами гнезда. Прошло несколько дней, и белобрысый вернулся. Вернулся один. Он удивился тому, что так быстро исчезли следы их недавней стоянки, потом прислонился к старой плакучей иве на берегу и, держа в руках засохший веночек, долго смотрел вдаль, словно ждал чего-то. Так и не дождавшись, швырнул мертвые кувшинки в озеро, махнул рукой и ушел. Но щемящая тоска в сердце и беспокойство в душе, как верные спутники, отправились за ним вслед. Они не давали ему покоя и заставляли возвращаться на берег заклятого озера раз за разом.

Прости меня сестренка. Если бы я знала тогда...

Мы ведь все так похожи, и глупый человек принял меня за тебя. Я не хотела ничего плохого - только немного поиграть... Кто же знал, что этот дурачок поплывет за мной следом и попадет в черный омут?

Маленькая веснянка прощалась с сестрицами. Каждая подплыла к ней, поцеловала ее в заплаканную щеку и спросила:

- Может, все-таки полетишь с нами?

Но та только грустно кивала головой и шептала:

- Прощай, сестра, счастливого пути.

Тогда все девушки побрели гуськом по воде вдоль берега по солнцу, потом зашли поглубже, образовали круг, взялись за руки и нырнули в чистые воды заповедного озера. На поверхность поднялись уже огромные черные птицы с длинными шеями и бирюзовыми глазами. Восемь прекрасных птиц. Стая подплыла к маленькой веснянке, издала общий протяжный печальный крик и поднялась на крыло. Покружившись над озером, птицы черным клином с удаляющимся клетотом полетели на юг.

Маленький леший стоял на берегу и одной рукой махал им вслед, а другой размазывал по щекам обильные слезы. Одинокая веснянка смотрела в небо до тех пор, пока не исчезли далекие черные точки, пока не затихла дорожная песня улетевшей птичьей стаи. Потом она попрощалась с лешим, отплыла от берега, занырнула к самому дну, где лежал, как живой, влюбленный в нее человек. У веснянок мало колдовских чар, но предохранить тело от тления и защитить его от любителей поживиться мертвечиной они в силах. Девушка расчесывала белокурые кудри, украшала его чело свежими цветами, целовала в синеватые плотно сжатые губы и тихо плакала, не стыдясь своих чувств, ведь в воде никто не увидит ее слез.

Приближалась зима. Веснянки не зря всегда улетали в южные края. В их природе жажда тепла и покоя. От холодов они медленно застывают, становятся прозрачными, как ледяные скульптуры, и в конце концов исчезают.

Малышка почувствовала, что ее конец близок, но ей было все равно. Она вдохнула густеющую ледяную воду, свернулась калачиком рядом с утопленником, положила тонкую просвечивающую голубым руку на его грудь, в которой никогда уже не будет биться сердце, закрыла глаза и с улыбкой на побелевших от холода губах приготовилась к сну, вечному сну без сновидений.

РАЗРЕШЕНИЕ ГРЕХОВ

РОМАН ДИБРОВ

На пересечении Второй и Семнадцатой есть небольшой парк. Ничего особенного: каштаны, несколько скамеек рядом с детской площадкой и кольца для любителей баскетбола. Жители района любят это место, днем здесь часто бывает людно.

Днем, но не вечером. В сумерках парк преображается, из уютного, с детства знакомого, места превращаясь в уголок городских джунглей. Не столько таинственный, сколько враждебный добропорядочному горожанину. Встречаются здесь свои хищники. Молодежные банды не то, чтобы очень опасны - все-таки приличный район, не трущобы - но находится мало охотников рисковать бумажником или часами.

Отец Эдвард пересекал парк торопливым шагом, укоряя себя за решение срезать дорогу. Нужно было идти освещенными улицами, где и в ночные часы полно народу.

Успокаивало священника только соображение, что шпана не станет грабить служителя церкви. Что с него взять? Денег и украшений отец Эдвард никогда не носил. Пустой желудок настойчиво напоминал - чудесный мясной пирог миссис Лорри ждет, остывая с каждой минутой и тем самым теряя крупицу своего волшебства.

Священник любил покушать. Это была его слабость. Постыдная для священника, но вполне простительная для одинокого холостяка, давно перешагнувшего тридцатилетний рубеж. Нет, конечно, это не чревоугодие, нет! Просто... Иногда сложно отказать такой очаровательной женщине, как миссис Лорри...

- Эй, мистер! - Священник вздрогнул и обернулся, только сейчас сообразив, что его окликают уже не в первый раз. Отца Эдварда нагнал высокий, крепкого телосложения мужчина. Незнакомец был уже не молод, но и до степенности ему было далеко, несмотря на зарождавшееся брюшко, угадывавшееся над ремнем джинсов.

- Могу я чем-то помочь Вам, сын мой? Если деньгами - не обессудьте, я не ношу наличных.

Незнакомец усмехнулся. Потом помолчал и сказал, как показалось отцу Эдварду, с неловкостью:

-У меня к Вам важное дело... Не знаю, как Вас правильно называть: патер, святой отец?

-Можно просто Эдвард, - священник улыбнулся той мягкой ободряющей улыбкой, за которую его так любили домохозяйки, разменявшие молодость на маленькие семейные радости. - Только Вам лучше прийти завтра. Сейчас не самое подходящее время, меня ждут. Да и место...

Отец Эдвард развел руками, указывая на сумрачный парк вокруг них.

-Боюсь, что не рискну ждать до завтра, Эдвард, - в голосе незнакомца послышалась угроза, но не успел священник насторожиться, как мужчина досадливо поморщился. - Не так, извините меня... Послушайте, святой отец, я не в курсе, что принято говорить в таких случаях, но мне нужно исповедоваться. Я знаю, по вашим понятиям, Вы не можете отказать мне в исповеди.

- Не могу, если дело действительно важное и срочное. Но вы ведь, кажется, не при смерти? - священник окинул фигуру собеседника ироническим взглядом.

-Если бы, - вздохнул тот и почти рухнул на скамейку рядом. - Святой отец, дело безотлагательное. Вы мне поможете?

Священник с сожалением оглянулся в сторону Семнадцатой. Пирог успеет остыть, миссис Лорри будет недовольна.

- Ну... Раз так срочно. Вернемся в церковь, это рядом.

-Нет-нет. Не нужно куда ходить, - незнакомец забеспокоился, скамья под ним протестующе закричала. - Давайте здесь.

- Здесь? В парке? - Священник только руками развел. - Но у меня с собой нет ничего необходимого!

-Разве Таинство Исповеди в лентах или целовании креста? - спросил незнакомец и под его взглядом отец Эдвард сдался. Присел не другой краешек лавочки, отвернулся от исповедуемого - раз уж конфессии нет.

- Исповедую перед Богом Всемогущим и перед вами, братья и сестры, что я много согрешил - мыслью, словом, делом и неисполнением долга. Моя вина! - мужчина ударил себя кулаком в грудь. Звук был глухой и мощный, как у большого барабана. - Отец, мне нужно встать на колени?

-Кто это тут у нас? - прервал его насмешливый голос. Говорящий растягивал слова, как принято на улице. - Гляньте, пацаны, падре и какой-то хмырь. Вы чего удумали в нашем парке? Извращенцев мы не любим. Гоните монету, рачьи дети, пока...

- Исчезни, "мармеладка", - рявкнул новый знакомый отца Эдварда. Прибавил еще несколько слов. Странный язык, вроде не испанский и слова знакомые, а не понять, что сказал. Что-то про вафли? Шпана, впрочем, поняла все отлично, спешно ретировалась, злобно огрызаясь вполголоса. Священник даже испугаться толком не успел.

Отец Эдвард потер лоб, провел ладонями по лицу. Происходящее казалось ему неуместным фарсом, пародией на таинство. Первоначальное намерение отвернуться казалось ему глупым и детским. Священник сел лицом к незнакомцу, наблюдая, как тот неловко преклоняет оба колена и сцепляет большие кулаки в замок. На среднем пальце оказалась татуировка в виде кольца, на ладони другой руки еще наколка - круг, перечеркнутый молнией.

-Отец, простите мне, я согрешил...

-Прежде, чем Вы продолжите, мистер... Я не знаю Вашего имени, - священник подчеркнул этот момент - должен предупредить, что если на исповеди Вы признаетесь в преступлении против государства или человечности, мне придется сообщить об этом в полицию. Подумайте еще раз.

- Лучше в тюрьму, чем в ад, - забормотал незнакомец. Эдвард обескуражено кивнул. - Отец, на моей совести немало грехов. Всегда думал, одним больше, одним меньше - Бог и не заметит...

Мужчина замолчал.

- Продолжайте, сын мой. - подбодрил собеседника Эдвард.

-Пару дней назад к нашей...организации... обратились культисты. Вернее, я тогда не знал, что это сектанты. Они просили достать для своей вечеринки пару девочек. Не просто девиц, святой отец, ну вы понимаете? Девочек. Девственниц, то есть, - мужчина снова забормотал что-то невнятное. - Нам такой заказ не внове, это всегда в цене. Деньги посулили немалые.

Незнакомец опять помолчал, собираясь с мыслями.

-Нет-нет, отец, не подумайте, что девушки были против, - торопливо перебил мужчину священника, уже собравшегося задать вопрос. - Я же Вам объясняю - это целая индустрия. Да и не

о том я! Выслушайте же... - он заозирался и продолжил сухим лихорадочным шепотом - Привезли мы девочек на место. Склад какой-то заброшенный. Или ангар. Я сразу неладное заподозрил - свечи кругом, факелы, рисунки на стенах какие-то скверные. Не знаю, как объяснить, гадостное место было. И заказчики все как один в балахонах с капюшонами. Прямо кино. Их главный предложил нам за сделку опрокинуть по стаканчику. Выпили. А потом эти сатанисты одну девочку уложили на большой камень в центре помещения. Я думал, они... Ну, Вы понимаете, отец? А их главный ее - ножом! Сразу насмерть, я в таком разбираюсь. Порезал он ее и машет подручным, чтобы вторую тащили. Бедняжка в крик... Я от ее визга словно очнулся. Отец, видит Бог, я не святой - пробы ставить негде. И много разного в жизни делал. Но чтобы людей вот так - как скот? Ни за что...

-Продолжайте, сын мой. - Эдвард удивился, как хрипло прозвучал его голос. Настроение незнакомца передалось священнику. Такой исповеди ему принимать еще никогда не доводилось.

- Простите мне, отец. Я в эту тварь с ножом выстрелил. Прямо в морду попал... Да что там попал, я в него всю обойму всадил, стрелял, пока затвор не заклинило. А тот - стоит. Смеется мерзко так. Потом не помню - вырубил меня наверно. Или питье их бесовское верх взяло - все наши к тому времени уже на полу лежали. Я один на ногах оставался, когда он девочку зарезал.

- То есть, Вы промахнулись, сын мой? - переспросил священник. Эдварду бросился в глаза безумный взгляд незнакомца, дорожки пота, бегущие по бледному лицу. А нормален ли исповедуемый?

-Вы не понимаете, отец! - вскричал незнакомец, нервно оглянулся и сбавил тон. Его пальцы, сложенные в замок, беспрестанно шевелились, казалось, что мужчине трудно удерживать руки неподвижными. - Я попал в эту тварь. Только пули его не брали. Я расскажу, Вы все поймете...

- Хорошо, - священник протянул руку, коснулся плеча мужчины, успокаивая. Тот словно не заметил, глядя куда-то сквозь отца Эдварда. - Я слушаю Вас, сын мой.

- Я очнулся не на складе, в другом месте. Небольшая такая комната, вся отделанная белым кафелем. Похоже на кабинет зубника. И - лифт, - мужчина наморщил лоб, вспоминая. - Нет, еще стол был. Все наши уже там сидели, только они какие-то вялые были. Наверно от зелья еще не отошли. Сатанист тот был, без ножа уже. Сидит, не шевелиться, рыло свое под капюшоном прячет. Я было обрадовался - думаю, издохла тварь. Простите мне, отец. В общем, сидим, ждем непонятно чего. Тихо, как в морге. И жуть какая-то. Аж пробирает всего, не двинуться, не вздохнуть как следует.

Отец Эдвард понимающе кивнул. Ему тоже было не по себе. В темном парке один на один с умалишенным. Ситуация... Хоть бы шпана вернулась, что ли. Священник попенял себе за малодушие, но молитву про себя прочел. На всякий случай.

-... мелкий такой, юркий. Сразу видно - гнида. Я таких за милую чую, - продолжал тем временем мужчина. - Он из лифта вышел и сразу к нам. Лифтер двери открытыми оставил и тоже стоит не шевельнется, даже не дышит. Что тот мелкий говорил, я не помню - как в тумане все. Амбарную книгу пододвинул, чтобы мы напротив своих фамилий расписались. Кровью!- голос мужчины дал петуха - Он ребятам палец прокалывал, а те свои автографы ставили. И я тоже подписал. И Вы бы подписали, отец! Я как увидел, что культист кровью отмечает, совсем душа в пятки ушла. У этой твари в лице дырки - пол-ладони засунуть можно, а он на меня смотрит и ухмыляется. Я чуть рассудка не лишился. Как все подписались, мелкий тот начал нас по одному к лифту подводить и вниз отправлять. Меня последним. Только меня на протокол не возьмешь! Как двери закрылись, я лифтеру шепчу: "Жми наверх, удавлю". Молчит, проклятый, даже головы не повернет. Я его схватил за грудки, тряхнуть хотел, а он как каменная статуя тяжелый. Да и толку было его трясти? Если уж культиста пули не берут, что его хозяевам от пощечины сделается? Простите мне, отец, я знаю уныние грех, но так мне паскудно на душе сделалось... Отчаялся я совсем, взмолился: "Наверх давай, небо хочу увидеть".

В темноте тихо треснула под чьей-то ногой ветка. Отец Эдвард заметил в кустах за спиной собеседника неясное движение. Слава Богу, он больше не один! Священник посмотрел на умалишенного гораздо увереннее.

- "Плати", - говорит, - незнакомец и не думал обернуться на шорох позади. - Голос у лифтера был скрипучий, как... не знаю что. Хуже, чем иглой по стеклу, у меня все кости от того голоса заломило. Отец, я всегда на цепочке старинную золотую монету ношу. Носил... Наверде талисмана семейного, он мне еще от деда достался - на удачу. Монетой и расплатился. Отец, я понимаю, мой рассказ звучит дико, но... Отпустите мне грехи! Я подумал, если мне простят, я буду защищен от... не знаю, что за зло это было, но я буду защищен.

- А как же подпись кровью? - усомнился священник. Нужно потянуть время. Тени в кустах за спиной исповедуемого сложились в несколько человеческих фигур, одна из которых делала священнику знаки не смотреть в их сторону.

-Я думал об этом, святой отец. Думал. Мне недавно делали переливание - после аварии. Может, это помогло? Простите, мне отец - мужчина вдруг схватил священника за руку. Хватка у него была железная. - Простите мне, отец!

-Не волнуйтесь так, сын мой! - воскликнул священник, но мужчина и не подумал ослабить давление, впился безумным взглядом в лицо Эдварда. - Ну, хорошо, хорошо же! Отпустите мою руку и склоните голову.

Люди позади исповедуемого продолжали осторожно подкрадываться к нему. Теперь священник отчетливо видел, что они одеты в белые халаты. Один держал наготове развернутую смирительную рубашку.

-Сын мой, я отпускаю тебе грехи твои во имя... - незнакомец поднял голову, его лицо осветилось неистовым ликованием. В этот момент санитары набросились на мужчину. Прижали его к земле, скрутили руки. Незнакомец рычал нечто нечленораздельное и отчаянно вырывался. Двоим дюжим медбратьям насилу удавалось держать безумца. Третий, одетый в гражданский костюм, быстро подбежал и ловко ткнул сопротивляющегося бандита зажатым в руке предметом. Послышался треск, в воздухе ощутимо запахло паленой шерстью и мужчина обмяк в руках санитаров.

-Спасибо Вам, святой отец, - Человек в костюме убрал электрошок в футляр и, широко улыбаясь протянул Эдварду руку. - Доктор Нихиль, клинический психиатр. Без Вашей помощи мы бы так легко не справились.

- Отец Эдвард, - Священник автоматически пожал протянутую ладонь и вскрикнул от тягучей боли. Пальцы сразу покраснели.

- Статическое электричество, - извиняющимся тоном пояснил психиатр. И тоже потряс рукой. - Как ловко вы, святой отец, отвлекали нашего клиента. Впрочем, что удивляться? Мы ведь с Вами коллеги. В некотором смысле, в некотором смысле. - Нихиль хохотнул - Вы спасаете души, и я занимаюсь тем же. Разнятся только методы, согласитесь?

-Что с ним будет? - священник пропустил пассаж психиатра мимо ушей.

-Вернем в клинику. Боюсь, он там пожизненно. У парня МДП, но ведь каков хитрец, а? Подкупил охранника на входе, сбежал. Двое суток искали.

Санитары уже взвалили неподвижное тело на плечи и потащили к выходу из парка.

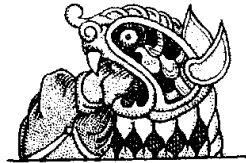
-Ну ладно, рад знакомству, святой отец. Еще раз спасибо за помощь, - Психиатр протянул руку, рассмеялся и, отдернув ее обратно, быстро зашагал вслед своим сотрудникам. Отец Эдвард обратил внимание, что доктор почти на голову ниже его.

Священник опустил глаза на дорожку и оторопел.

- Во имя Отца и Сына, и Святого духа, - закончил Эдвард разрешение, когда санитары уже подтащили пойманного к выходу из парка. - Te absolvo!

В каменной плитке у ног священника даже в полумраке явственно были видны глубокие отпечатки козлиных копыт. Незнакомец извернулся, вырвался из державших его рук и огромными прыжками понесся вниз по улице, через несколько мгновений скрывшись из виду. Куда делись его преследователи, священник не видел.

Утро отец Эдвард встретил на скамейке в парке. В тот же день он написал прошение перевести его на миссионерскую работу.

СЕРДЦЕ КАПИТАНА

СЕРГЕЙ ТОКАРЕВ

Тесный, узкий туннель. Стенки сочились слизью, давили на плечи. Слишком тесно. Алекс задыхался. Ему хотелось закричать, но в этот момент стенки туннеля так сжали его, что он захрипел. И проснулся.

Некоторое время ему еще что-то мерещилось. Будто они с Большой Рыбой пробираются через минные поля. И в темной синеве висят туши боевых кракенов, готовые в любой момент наброситься, опутаться, утащить на глубину. Вязкий туман ползёт клочьями, где-то поблизости кричат вражеские нарвалы береговой охраны. Но им надо пробраться и доставить груз. Груз с Большой Земли в маленький город, окруженный блокадой.

Раздался свист. Потянуло свежим воздухом, закричали матросы - корабль поднялся на поверхность и команда, как обычно, собиралась освежиться перед погружением. Алекс лежал в своей каюте и мало-помалу приходил в себя. Очередной кошмар из цепочки снов, тяжелый и липкий, как мокрый парус, обвившийся вокруг тела, еще тянул вниз, туда, где растворяется реальность. Но реальность уже вернулась - дрожащие стены, мерное дыхание кита, тяжелый стук сердца. Тук. Тук.

Корабль вдыхал свежий воздух, всасывал воздух каждым своим легким, до последнего матроса, и жадно смотрел десятками глаз на горизонт, туда, где скрывался дом.

- Мне снился кошмар.

- Да, ты неважно выглядишь. Хочешь, я сыграю?

- Ради бога, не сейчас.

Алекс рассматривал горизонт. Темная шкура левиафана лоснилась там, где ее уже успели прочистить. Боцман криком поторапливал дневальных, драивших палубу. Юнги с наставником бросали лот. Алекс и Заманухин стояли на мостике. А вся остальная команда, с криками, смехом, шуточками, плескалась в волнах, торопясь смыть с себя грязь и усталость. До горизонта и за ним - их окружал океан.

Алекс показал рукой вдаль:

- Ты видишь?

- Острова?

- Нет, корабль. Такой же, как наш. Он идет гораздо быстрее.

- С Большой Рыбой что-то не так?

- Возможно. Берегись!

Проходящий корабль приветствовал их гудком. Затем, после некоторой заминки, Большая Рыба начала ответную песнь. Палуба завибрировала и, чтобы не упасть, капитан и акустик схватились

за перила. Некоторое время оба корабля пели вместе. Встречный корабль, Зибой, совсем недавно вышел из гавани. Это было его первое путешествие, он вез сухие грузы в колонию. А дома все было нормально и идти осталось совсем немного - как раз на два перехода. Еще чуть-чуть и дома!

- Как красиво, - выдохнул Заманухин. - Если бы я мог повторить эту песню на своей дуделке...

- Рапануи никогда не повторит гудок корабля. Размер не тот, - ответил Алекс и, на всякий случай, все-таки посмотрел на раковину. - Да, совершенно не тот.

- Это ерунда! Да, мои легкие не так сильны, чтобы шкура кита дрожала от моих песен. Но мелодия, мелодию понимают сердцем. Ее-то я могу повторить. Слушай, - Заманухин схватился за раковину и поднял ее к губам. Алекс хотел что-то крикнуть, но Большая Рыба его опередила. С шумом и свистом ударил фонтан, и на некоторое время они оглохли и ослепли в бело-молочном сиянии брызг и окружившей их радуги.

- Большая Рыба не хочет, чтобы ты пел, - засмеялся Алекс и начал спускаться с мостика.

- Капитан! - крикнул Заманухин, перегнувшись через перила. - Капитан, у тебя слизь на волосах.

- В курсе, - ответил Алекс. - Сейчас ополоснусь. Возвращайся в рубку и прослушай глубину, через полчаса погружение.

На самом деле до погружения оставалось гораздо больше. Через полчаса Большая Рыба по-прежнему лежала на поверхности, шевеля плавниками, а Алекс сидел в кают-компании. Кроме него здесь присутствовало еще два человека.

- Капитан, - сказал священник снова. - Капитан, я сказал, все, что мог. Больше я не могу сказать - мне перед богом ответ держать.

- Хорошо, - ответил Алекс. - тогда просто повтори это для врача. Это можно?

Врач со священником переглянулись. Последний закашлял:

- Я, право, не вижу особого смысла.

- Тем не менее!

- Хорошо, - святой отец скрестил пальцы и начал: - Команду мучают кошмары. Да и каждого из нас. Проблемы одни и те же - удушье, темнота, теснота, судороги, смерть. Что-то тяжелое, сдавливающее со всех сторон. Началось это после первого выхода из порта. Но до колонии кошмары мучили лишь немногих. Стариков, вроде меня. Об остальных я не буду уточнять - прочитайте что-нибудь насчет тайны исповеди. Сейчас, на обратном пути кошмары практически у всех. Пожалуй, кроме акустика.

- До колонии мы шли налегке, обратно мы идем с грузом. - сказал Алекс.

- Это всем известный факт, капитан, можно было бы не напоминать, - врач вытер пот со лба. Последние дни было жарковато. Но это всегда было так, когда корабль шел с грузом. Врач продолжил:

- Я знаю, что вы хотите услышать от меня. В чем, собственно, проблема кошмаров. Отравление, психоз, усталость? Но проблема гораздо глубже и шире. Она больше нас и она вокруг нас.

И он постучал по стенке. Стенка задрожала, на ней выступили капельки. Врач вытащил платок и одним движением стер влагу со стенки.

- Бедняга, - сказал он. - У него проблемы с сердцем.

- То есть?

- Сердце, капитан. Мы делаем все, что можем, но ему просто не хватает мощности. Большая Рыба стара и вам это известно. Перед выходом ее обследовали в порту и признали годной к плаванию. Но осмотр проходит, когда корабль спокойно лежит на поверхности. А сейчас мы идем с грузом.

И сердце начало сдавать. Это последнее плавание Рыбы, как это ни печально. Она больше не сможет работать сухогрузом. Максимум - катать детишек. А лучше всего - пенсия на Янтарных берегах.

- Значит, наши кошмары - это кошмары Рыбы?

- В какой-то мере да. Не знаю, насколько вы помните историю судостроения, но между нами и нашим кораблем практически нет никакой разницы на внутреннем уровне. Когда Рыба идет глубине, к концу хода у него заканчивается запас кислорода. Точнее, он остается, но сердце снабжает мозг кита с перебоями. У Рыбы возникают приступы удушья, вплоть до кратковременной потери сознания. А поскольку мы все живем внутри него, мы чувствуем это в виде кошмаров. Я бы провел аналогию с материнской утробой. Мы дышим воздухом Рыбы, мы касаемся его тела. Химия наших тел идентична, и когда кит начинает задыхаться, его страх, его спазмы передаются нам.

- Да, сказать, что эта лекция познавательная – значит, ничего не сказать, - заметил священник. - Я всегда замечал, как сладко спится на кораблях. Правда, я приписывал это не столь химии, сколь биению сердца и дыханию кита, которое убаюкивает, словно шум океана...

- Скажи уж прямо – как дыхание матери! - перебил его врач.

- Извини, я пока не готов к такой глубокой аналогии, по крайней мере, внутренне, - ответил священник. - Но, давайте вернемся к проблеме! Или нам ничего не надо делать? Кит выдержит до гавани?

Врач замялся.

- Ну же, смелее! - сказал Алекс. - Я хочу знать, мы можем как-то помочь кораблю? Я всю свою жизнь водил Большую Рыбу и у нас не было безвыходных ситуаций. Мы выходили из боев с кальмарами пиратов и рвали сети вражеского флота во время войны. Мы слепли и простужались, болели почками, подхватывали паразитов и венерические болезни, но всегда, скрестив плавники, каким-то образом выживали. Я люблю Большую Рыбу и, право, не хочу заставлять ее страдать лишней раз. Может быть, мы укоротим периоды погружения?

- Не имеет смысла, - ответил врач. - Приступы удушья возникают с начала погружения. Сердце нашего кита на большой глубине работает с очень тяжелой нагрузкой. Он может потерять сознание сразу после выхода на рабочую глубину. Вы знаете, что это значит. Нам остается только молиться.

- Молиться - это хорошо, - заметил священник. - Однако живая паства мне дороже мертвой, хотя и благочестивой. Думаю, что такой аргумент, как моя собственная жизнь, тоже можно посчитать. Может быть, мы лучше скинем часть груза?

- Груз, груз... это было бы не так просто, но я думаю, мы смогли бы объясниться перед акционерами, - сказал Алекс. Они с надеждой посмотрели на врача. Тот нахмурился.

- Послушайте, вы, похоже, не понимаете, что такое больное сердце. Мы можем снизить нагрузку, мы можем вообще выбросить весь груз, но мы не можем полностью исключить шанс, что кит потеряет сознание на глубине. Его мозгу не достаточно кислорода, его сердце и так работает на пониженных оборотах. Единственный выход - идти над водой, где кислорода достаточно, и даже в случае потери сознания мы сможем оставаться на поверхности некоторое время. Пока не приведем его в чувство.

- А привести его в чувство под водой вы не можете?

- У нас не хватит времени. Боюсь, все пройдет слишком быстро. Тем, кто будет спать - повезет больше.

Алекс не стал уточнять, почему спящим повезет больше. Он махнул рукой:

- В принципе, вы можете идти. Если будут другие решения, пожалуйста! Вы знаете, где меня можно найти. Команде, разумеется, ничего не говорить.

- Обижаешь, - ответил то ли священник, то ли врач, а может они оба сразу. Сердце кита билось как обычно, но теперь Алексу казалось, что он слышит в нем какие-то надрывные нотки. Тук. Тук. Или это только кажется? Ведь все было хорошо, и они лежали на поверхности, и Большой Рыбе не надо было пробивать своим телом толщу воды. Как будто все было так же, как всегда, как будто они впервые шли в далекие страны, и на теле корабля не было шрамов от присосок кракенов и ударов об скалы. Как будто мир, словно небо в экваториальный полдень, снова сиял светом, и на берегу их ждали.

Мне надо было лучше относиться к Рыбе, вдруг подумал Алекс. Годы, когда они ходили с двойным грузом, и годы, когда они пробивались через шторм, брали двойную плату за контрабанду и всплывали в районах морских сражений, все эти годы, опасные причалы, удары китобоев и погони не прошли даром. Все это не прошло. Живое тело помнит все. Но мне-то что, я всегда был надежно прикрыт телом Большой Рыбы. Только вот кита никто не мог прикрыть.

- Дыши, пожалуйста, - попросил он и прикоснулся к стене. И Большая Рыба дышала.

Протиснувшись в слуховое отделение, он застал акустика с раковинами на ушах. Заманухин сорвал их и отрапортовал:

- Глубина чиста!

- Отлично. Пока мы остаемся на поверхности. Проверь, пожалуйста, штормовое.

- Как на поверхности?.. Я уже проверил. Да и Зибой передавал, мы же вместе с тобой стояли на мостике! Не слышал? Тайфун приближается. По-хорошему нам бы уже идти так на уровне нижнего планктона, пока не началось.

- Сколько у нас осталось времени?!

- Два часа максимум. Давление быстро падает. - ответил Заманухин. Он выглядел удивленным, и явно хотел что-то спросить, но Алекс уже покинул слуховую рубку.

- Он не любит мою музыку, я знаю, - сказал акустик Большой Рыбе. Он полагал, что кит может его слышать, и часто разговаривал с ним в своей рубке.

- Я знаю, никто не любит мою музыку, - продолжил Заманухин. - Да и признаться, что в ней такого, чтобы слушать. Уж куда приятнее слушать твои песни, друг. Когда ты поешь, будто поет море. Моя рапануи никогда не сможет кричать так громко. Да, если честно, песни китов на этой ракушке звучат слишком уж смешно. Как будто если бы вместо меня говорили вши. Ты понимаешь, что такое вши? Я полагаю, что ты считаешь нас чем-то вроде морских вшей. Правда, мы лечим тебя и гоняем других паразитов. Что мы можем еще для тебя сделать? Да ничего. Даже песню спеть не можем...

Так он бормотал и бормотал в своей рубке, поглаживая блестящие музыкальные раковины рапануи и тусклые слуховые раковины ронго, в которых время от времени раздавались звуки обитателей глубины, да непрерывно растущий вой летящего к ним тайфуна.

- Ты знаешь, зачем нужны священники на корабле? - спросил Алекс.

- Я мог бы прочитать тебе об этом лекцию, - ответил священник. - Но не буду. Нам дорога каждая минута.

- Хорошо. Тогда сделай то, ради чего ты здесь. Возьми груз врача и очисти его совесть. А потом можешь прочитать надо мной все, что сочтешь нужным.

- Я всегда считал тебя безбожником, - произнес святой отец. - Но хорошим капитаном. Я думаю, такой хороший капитан мог бы однажды повести райский ковчег.

- Если попадешь на этот ковчег, замолви перед капитаном словечко за меня.

- И даже два. Как ты думаешь, почему врач не перебивает нас. Вроде бы ему надо торопиться?

- Потому что я измучен, - подал голос врач. Он и вправду выглядел неважно. - Как врачу, мне приходилось часто лечить самые разные формы жизни. Но ни разу мне не приходилось отнимать её.

- По крайней мере, ты знаешь, что делать, а что нет. Повтори, пожалуйста, я постараюсь еще раз убедиться, что не зря предстану перед небесным лощманом.

Врач вздохнул. Он объяснял это несколько раз, но знал, что капитану, как и всем им, нужна уверенность. Нужна стопроцентная гарантия.

- Ты правильно заметил, что всегда есть выход, - начал он. - Выход есть всегда...

- Тайфун не ждет, сын мой, если можно не повторять очевидное дважды! - сказал священник. Врач взглянул на него, но продолжил:

- Мы не можем оставаться на поверхности и не можем нырять. Сверху к нам приближается ураган, а снизу нас ждет удушье. Жаль, святой отец, что ты не можешь остановить ветер. Но зато я могу остановить удушье. У меня нет запасного сердца кита, чтобы заменить большой мотор Большой Рыбы. Да и условия для операции не те. Но я, со своими помощниками, вполне могу избавить кита от приступов, подпитав мозг Рыбы дополнительным кровотоком. Я только не могу понять, почему это должно быть за твой счет?

- Потому что это последнее плавание Большой Рыбы, - ответил Алекс. - И это мое последнее плавание. Многие капитаны умирали со своими кораблями. Мое же последнее плавание даст Рыбе шанс пожить еще чуть-чуть. И вам тоже. Я не хочу, чтобы кто-то из команды уходил в последнее плавание. Не в этот раз. Это мое слово, слово капитана.

- Хорошо...

- И еще вопрос!

- Да?

- Вот это лекарство, что ты мне дал сейчас... Если это наркоз, то он не действует. Я все еще чувствую.

- Не волнуйся, это не наркоз. - ответил врач и дал знак своим помощникам. Святой отец вышел из операционной и присел у дрожащей стены, закрыв глаза. Затем он достал четки и начал быстро-быстро перебирать их. Все это правильно, нужно только убедить себя в этом. Себя и врача. Большая Рыба будет спасена. Команда будет спасена. Все это правильно. Если, конечно, они успеют до начала шторма.

- Погружение! - раздалось по кораблю. Заложило уши и все, как по команде, начали тут же зевать, чтобы выравнять давление. Схватившись за ребра поручней и хрящи переборок, матросы пытались удержаться на ногах. Большая Рыба уходила вертикально вниз. Кто-то забыл закрыть свой сундук - сверху полетели вещи, стуча по затылкам, плечам, спинам, встречаемые ругательствами и шутками счастливиц, которые избежали ударов. Но как бы то ни было, все вздохнули с облегчением. Погружение состоялось. И пусть наверху беснуются морские черти, здесь, на глубине, все будет тихо и спокойно.

Когда корабль вышел на глубину, корабельный врач и его помощники отцепились от переборок и проверили швы. Небольшое местное кровотечение, но в целом нормально. Некоторое время Большая Рыба будет чувствовать небольшую боль, когда начнет расходиться анестезия, но приступы можно купировать. Главное, что сердце будет биться. Там, в теле Рыбы, на небольшой жилке, ведущей к мозгу кита, будет биться сердце. И хотя оно слишком мало для корабля в целом, его достаточно, чтобы Большая Рыба не теряла сознание от недостатка кислорода. Пока оно бьется чаще и его даже можно слышать, если приложить ухо к швам на стенке. Но постепенно ритм второго сердца замедлится и будет биться в такт с главным. Тук. Тук. Вот так.

- А потом, Железный Человек, акустик Заманухин уволился с корабля. Потом Большая Рыба отправилась в последнее плавание, к Янтарным Берегам. А акустик пришел на пристань и спел песню песен на музыкальной раковине рапануи. И хотя это было лишь жалким подобием песни настоящего кита, над ним никто не смеялся. С тех пор все акустики поют песни и все их слушают. Вот так люди научились играть на раковинах рапануи.

- Хороший рассказ, - кивнул я. - А ты можешь сыграть мне песню Заманухина?

- Обижаешь. Конечно, могу. Все акустики должны знать ее. - и он поднял рапануи и начал петь.

Тягучая, глубокая, словно океан, мелодия затопила комнату и полетела на улицу, и, казалось, даже шум порта притих во время песни. Только вдали что-то повторяло мелодию - то ли отзывались корабли, то ли заблудший акустик подхватил мелодию, а может, это было просто эхо.

Некоторое время, пока звучала песня, мы с геологами сидели неподвижно, боясь помешать певцу. Завтра мы возвращались обратно, и, ей-ей, мы не жалели, что пригласили на прощальный вечер исполнителя и знатока местных преданий. Когда же песня закончилась, я спросил:

- Как и в песнях китов, в песнях рапануи есть слова. А в такой длинной и красивой песне, наверно, рассказывается вся история капитана Алекса, акустика Заманухина и Большой Рыбы?

Акустик засмеялся: - Нет, что ты! Для людей вашего мира там почти нет слов. Ваш язык слишком беден, в нем нет и малой доли языка рапануи. Даже наши имена приходится называть укороченными.

- Нет, но все-таки!

- Я скажу тебе на ухо, чтобы не портить впечатление твоим людям. Обещай, что не расскажешь.

Я обещал, и он сказал мне слова Первой Песни, которую пел акустик Заманухин уходящему кораблю Большая Рыба, в котором билось два сердца. Свое сердце и сердце ее капитана. Я действительно никому их не рассказал. Я их записал. Вот они.

Тук. Тук. Плыви, мой друг.

